

С О Ф И

КИНСЕЛЛА

Майный
мир
Ценоголика

Шопоголик

Софи Кинселла

Тайный мир шопоголика

«ЭКСМО»

2000

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Кинселла С.

Тайный мир шопоголика / С. Кинселла — «Эксмо»,
2000 — (Шопоголик)

ISBN 978-5-699-91621-4

Всем известно, что жизнь – нелегкая штука. Буквально на каждом шагу нас подстерегают неприятности и всяческие сложности. Как с этим справляться? У Бекки есть ответ на этот вопрос – шопинг. Но есть одна небольшая загвоздка – кредитка обнуляется с бешеной скоростью. Что делать? Зарабатывать больше? Тернистый путь без гарантии результата. Выйти замуж за богача? Сомнительный вариант для самостоятельной женщины. Экономить? Ну уж дудки! Да, Бекки выбрала дорогостоящее хобби. Но отказаться от привычки покупать выше ее сил. А значит, надо искать выход. И он непременно найдется!

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-91621-4

© Кинселла С., 2000
© Эксмо, 2000

Содержание

1	8
2	12
3	21
4	28
5	37
6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Софи Кинселла

Тайный мир шопоголика

Шопинг – лучшее лекарство от хандры.

Эту книгу я посвящаю Араминте Уитли, своей подруге, по совместительству являющейся и моим агентом.

Огромное спасибо Патрику Плонингтону-Смиту, Линде Эванс и команде издательства «Трансуорлд», Селии Хэйли, Марку Лукасу и всем работникам LAW, Ники Кеннеди и Джессике Бакмэн, Валери Хоскинс и Ребекке Уатсон, а также Брайану Сайбиреллу из САА.

Отдельное спасибо Саманте Уикхэм, Саре Мэнсер, Полу Уоттсу, Шанталь Рутерфорд-Браун, моей замечательной семье и особенно Гемме, которая научила меня грамотно ходить за покупками.

© Корчагина А., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Банк Эндвич
Сталлион-сквер, 1
Лондон

Миз¹ Ребекке Блумвуд
Джарвис-роуд, д. 63, кв. 4
Бристоль

6 июля 1997 года.

Уважаемая миз Блумвуд.

Поздравляем! Вы стали выпускником Бристольского университета и несомненно гордитесь своими успехами.

Банк «Эндвич» также гордится своей удобной и гибкой системой работы, которая призвана удовлетворить любого клиента. Руководство нашего банка проявляет дальновидность, применяя индивидуальный подход к клиентам, особенно к людям Вашего статуса.

И поэтому Вам, миз Блумвуд, как выпускнице университета, мы предлагаем повышенный кредитный лимит размером в 2000 фунтов в течение первых двух лет Вашей профессиональной карьеры. Если Вы решите воспользоваться услугами нашего банка, Вы автоматически получите данную услугу.

Искренне надеемся, что Вы воспользуетесь этим замечательным предложением, и с нетерпением ждем Вашего заявления на открытие счета.

¹ Миз – современное обращение к женщине, продиктованное принципами политкорректности. – *Здесь и далее примеч. ред.*

Еще раз примите наши поздравления!

С уважением,
Найджел Фэйарс,
менеджер по маркетингу среди выпускников университетов после
подтверждения кредитоспособности.

ЭНДВИЧ – ПОТОМУ ЧТО МЫ ЗАБОТИМСЯ О ВАС

Банк Эндвич
Филиал Фулхэм
Фулхэм-роуд, 3
Лондон

Миз Ребекке Блумвуд
Берни-роуд, д. 4, кв. 2
Лондон

10 сентября 1999 года.

Уважаемая миз Блумвуд.

В дополнение к моим письмам от 3 мая, 29 июля и 14 августа уведомляю Вас, что Ваш бесплатный повышенный кредитный лимит для выпускников действителен до 19 сентября 1999 года. Также сообщаю, что Вы значительно превысили оговоренный лимит в 2000 фунтов.

На данный момент Ваш долг банку составляет 3794,56 фунта.

Не могли бы Вы связаться по телефону с моей помощницей Эрикой Парнел и договориться о личной встрече, дабы обсудить сложившуюся ситуацию?

С уважением,
Дерек Смит,
менеджер.

ЭНДВИЧ – ПОТОМУ ЧТО МЫ ЗАБОТИМСЯ О ВАС

Банк Эндвич
Филиал Фулхэм
Фулхэм-роуд, 3
Лондон

Миз Ребекке Блумвуд
Берни-роуд, д. 4, кв. 2
Лондон

22 сентября 1999 года.

Уважаемая миз Блумвуд.

Выражаю свое искреннее сочувствие по поводу Вашего недавнего перелома ноги.

Надеюсь, что по выздоровлении Вас не затруднит перезвонить по телефону моей помощнице Эрике Парнел и назначить личную встречу с целью обсудить Ваш перерасход по кредиту.

С уважением,
Дерек Смит,
менеджер.

ЭНДВИЧ – ПОТОМУ ЧТО МЫ ЗАБОТИМСЯ О ВАС

**Банк Эндвич
Филиал Фулхэм
Фулхэм-роуд, 3
Лондон**

Миз Ребекке Блумвуд
Берни-роуд, д. 4, кв. 2
Лондон

17 ноября 1999 года.

Уважаемая миз Блумвуд.

Выражаю Вам свое искреннее сочувствие по поводу Вашей ангины.

Надеюсь, что по выздоровлении Вас не затруднит связаться по телефону с моей помощницей Эрикой Парнел и назначить личную встречу с целью обсудить сложившуюся ситуацию.

С уважением,
Дерек Смит,
менеджер.

ЭНДВИЧ – ПОТОМУ ЧТО МЫ ЗАБОТИМСЯ О ВАС

1

Так, спокойствие, только спокойствие. Это всего лишь счет по кредитке. Какой-то клочок бумаги с цифрами. Ну что в нем может быть такого страшного?

Я смотрю в окно на Оксфорд-стрит, на проезжающий мимо автобус. Пытаюсь заставить себя открыть белый конверт, лежащий поверх кучи хлама на моем столе. В сотый раз повторяю себе, что это обычный лист бумаги. И я ведь не дура, так? Я ведь точно знаю, на какую сумму там счет.

Ну, или почти точно. Примерно.

Там, наверное, около... 200 фунтов. А может быть, триста. Да, возможно, триста. Максимум триста пятьдесят.

Закрываю глаза и начинаю мысленно подсчитывать расходы. Так, костюм в «Джигсо»². Дальше, ужин со Сьюз в ресторане «Куаглино». И еще тот шикарный желто-красный коврик. За коврик, кажется, я заплатила фунтов двести. Но он стоил этих денег – привел в восхищение всех без исключения. Во всяком случае, Сьюз от него без ума.

А костюмчик в «Джигсо» был со скидкой – 30 процентов. Так что я вообще на нем *сэкономила*. Открываю глаза и беру счет. Как только мои пальцы касаются конверта, я вспоминаю про новые контактные линзы. Девяносто пять фунтов. Недешево, конечно, но мне они были необходимы. Я что, должна ходить полуслепая?

А к ним пришлось купить новый раствор, и симпатичный контейнер, и гипоаллергенную подводку для глаз. Все вместе тянет на... четыреста?

За соседним столом сидит Клэр Эдвардс. Она поднимает на меня взгляд от корреспонденции – каждое утро она сортирует все свои письма и раскладывает их в аккуратные стопочки, перетягивает резинкой и наклеивает сверху бумажки: «Ответить немедленно», «Не срочно, но ответить». Как меня раздражает эта Клэр Эдвардс.

– Все нормально, Бекки? – спрашивает она.

– Отлично, – весело отвечаю я. – Так, письмо пришло.

Небрежно протягиваю руку к конверту, но пальцы почему-то никак не хотят вытаскивать из него счет. Прилипли к бумаге, и все тут, а я опять застыла и углубилась в мечты. Так происходит каждый месяц. Все мое существо охватывает одна-единственная, тайная мечта.

Хотите знать – какая? Когда-то я прочитала в газете историю о банковской ошибке. Статья мне так понравилась, что я вырезала ее и пришила к дверце шкафа в спальне. Банк перепутал имена двух клиентов и каждому послал чужой счет по кредитке. Но самое главное – оба человека *не глядя* оплатили счета, так и не заподозрив ошибки!

И с тех пор я втайне мечтаю, что подобное случится и со мной. Какой-нибудь сумасшедшей старухе из Корнуолла пришлют мой огромный счет, и она возьмет и оплатит его. А мне придет ее счет за покупку трех банок кошачьих консервов по 59 пенсов штука, и я, конечно, без вопросов его оплачу. Все по-честному!

Я невидяще смотрю в окно с блаженной улыбкой на лице. Уверена, что именно в этом месяце суждено сбыться моей тайной мечте. Но когда я под назойливым взглядом Клэр достаю из конверта счет, улыбка на моих губах вянет, а потом и вовсе пропадает. Поперек горла встает вязкий горячий ком. Наверное, это страх.

Листок буквально испещрен цифрами. Вереница знакомых названий мелькает перед глазами, словно вывески в торговом центре. Я пытаюсь понять прочитанное, но слова слишком быстро проносятся мимо.

² Сеть дорогих магазинов одежды.

Но вот одно всплывает. «Торнтонс». Шоколад «Торнтонс»? Как меня занесло в шоколадную лавку? Я же вроде как на диете? Нет, это не мой счет! Не мой! Я бы ни за что не смогла потратить столько денег.

Спокойно, возьми себя в руки. Главное – не паниковать. Просто прочитай внимательно каждую строчку.

Делаю глубокий вдох, заставляю себя сосредоточиться, унять нервы и вникнуть в смысл верхней строки.

Магазин канцтоваров «Смит» (это нормально, канцтовары нужны всем).

Обувь (без вопросов).

Оптика (тоже).

Винный клуб «Оддбинс» (бутылка вина – жизненная необходимость).

«Наша Цена». (*Наша Цена?* Ах да. Новый альбом группы «Шарлатанс». Ну как же без этого?)

Ресторан «Белла Паста» (ужин с Кэтлин).

Винный клуб «Оддбинс» (бутылка вина – жизненная необходимость).

Заправка «Эссо» (бензин не считается).

Ресторан «Куаглино» (дорого, но один раз можно себе позволить).

Магазин полуфабрикатов «Прет-а-манже» (у меня тогда наличные кончились).

Винный клуб «Оддбинс» (бутылка вина – жизненная необходимость).

«Ковры для роскоши». (Это еще что? Господи, коврик. Чертов коврик.)

Бутик «La Senza» (сексуальное белье для свидания с Джеймсом).

«Провоцирующий фактор» (еще более сексуальное белье для свидания с Джеймсом).

Ха! Если бы оно еще и пригодилось!

Магазин «Для тела». (Что для тела? Ах да, щеточка. *Пора бы уже испробовать ее в деле.*)

«Некст» (обычная белая рубашка, но на нее была скидка).

«Миллетс»...

Стоп. «Миллетс»? Я никогда не хожу в «Миллетс». С чего бы это я туда забрела? Смотрю на треклятый «Миллетс» в полном недоумении, нутужно морщю лоб, пытаюсь вспомнить... и тут вся правда жизни обрушивается мне на голову. Конечно же! Кто-то пользовался моей кредиткой!

Боже мой. Я, Ребекка Блумвуд, – жертва преступления.

Вот теперь все встало на свои места. Какой-то злоумышленник стырил мою кредитку, подделал подпись и расплачивался моей карточкой направо и налево. Теперь ясно, откуда у меня такой счет! Кто-то лихо затарился в лондонских магазинах с моей кредиткой. И наверное, думал, что это ему сойдет с рук? Но как ему удалось?... Роюсь в сумке, нахожу кошелек, открываю, и... вот она, моя «ВИЗА». Вытаскиваю ее и упираюсь в карточку безумным взглядом. Кто-то стащил мою кредитку, попользовался ей и *положил на место*. Наверняка этот *кто-то* из моих знакомых. Но кто? Боже мой!

Оглядываю офис подозрительным взглядом. Умом преступника природа явно обделила. Надо же было придумать пойти с моей карточкой в «Миллетс»! Это же смешно. Да я там в жизни не была!

– Я ни разу в жизни не была в «Миллетс»! – вслух говорю я.

– Была, – возражает Клэр. – Разве не там ты купила подарок по случаю отъезда Майкла?

Я смотрю на нее и чувствую, как испаряется моя победная улыбка. Черт! Конечно. Синяя ветровка для Майкла. Дурацкая синяя ветровка из «Миллетс».

Три недели назад, перед отъездом Майкла, нашего редактора, я вызвалась купить ему подарок. Я взяла конвертик с монетками и мелкими купюрами и выбрала в магазине вет-

ровку (поверьте мне на слово – это в его стиле). Теперь припоминаю – в последнюю минуту я решила оставить себе наличные, а за подарок заплатить кредиткой.

Правильно, я тогда вытащила из конверта четыре купюры по пять фунтов и аккуратно сложила их в свой бумажник, потом выловила из кучи монет «фунтовики» и убрала их в отделение для мелочи, остальные же мелкие монетки горстью бросила на дно сумки. Помню, еще подумала, как здорово, что не придется идти к банкомату. Я считала, что шестидесяти фунтов мне хватит как минимум на две недели.

И куда делись эти деньги? Как можно потратить 60 фунтов, не заметив этого? Я же в своем уме!

– А что это ты вдруг вспомнила «Миллетс»? – сует свой нос дотошная Клэр, вытягивая шею. Вижу, как ее маленькие всевидящие глазки блестят за очками. Она знает, что я изучаю свой счет по кредитке.

– Просто так, – отвечаю я, быстро переворачивая страницу письма.

Но все же она меня выбила из колеи своим любопытством. И вместо того чтобы, как обычно, сразу посмотреть на строку «Необходимый минимальный взнос», не доходя до «Итого», я вдруг уперлась взглядом в строчку с конечной суммой.

Девятьсот сорок девять фунтов и шестьдесят три пенса. Четко, черным по белому.

Секунд тридцать я смотрю на цифру стеклянными глазами, потом кладу листок обратно в конверт. Честное слово, в этот момент я искренне уверена, что письмо не имеет ко мне никакого отношения. Может быть, если я нечаянно уроню его на пол, оно тут же исчезнет? Придут уборщики, смахнут его вместе с остальным мусором, и я скажу, что не получала этого письма. Они же не могут потребовать, чтобы я оплатила счет, которого в глаза не видела?

Уже придумываю, какое письмо я им напишу.

«Уважаемый господин управляющий отделом кредитных карт. Ваше письмо повергло меня в некоторое замешательство. О каком счете идет речь? Я не получала писем от Вашей компании. Более того, меня возмутил тон Вашего послания. Предупреждаю Вас, я намерена жаловаться Энн Робинсон в комитет по защите прав потребителей».

В любом случае, я всегда могу сбежать за границу.

– Бекки? – Я испуганно поднимаю голову и вижу, что Клэр внимательно на меня смотрит. – Ты закончила материал про «Ллойдз Банк»?

– Почти, – вынуждена соврать я.

Под ее настырным взглядом я открываю файл, дабы сделать вид, что действительно собираюсь заняться их выпуском. Но эта заноза все равно не сводит с меня глаз.

«Вкладчикам понравится наличие моментального доступа к счету, – печатаю я, списывая все слово в слово из пресс-релиза, лежащего передо мной. – Кроме того, для вкладов свыше 5000 фунтов предусмотрен повышенный накопительный процент».

Ставлю точку, отпиваю глоток кофе и открываю вторую страницу пресс-релиза.

Кстати, это и есть моя работа. Я – журналист в финансовом издании. Мне платят, чтобы я рассказывала людям, как правильно распоряжаться деньгами.

Конечно, не о такой работе я мечтала. Ни один человек, работающий в финансовом журнале, не мечтал об этом. Некоторые, правда, уверяют: «Я так увлекся вопросом управления личными финансами, что решил писать только на эту тему». Вранье. На самом деле эти слова означают, что человек не смог найти работу получше. А еще это означает, что он посылал свои резюме в «Таймс», и «Экспресс», и «Мари Клэр», и «Вог», и «GQ», и «Лоудед» и везде услышал «отвали».

После этого он стал подавать резюме в «Вестник металлурга», «Газету сыроделов» и в «Куда вложить деньги?». Его взяли на самую нудную должность помощника редактора

с нулевой зарплатой, и он был безмерно признателен. Однажды начав, человек так и продолжал писать о металлургии, сыроварении или сберегательных счетах, потому что ничему другому уже не смог научиться. Я лично начала работать в журнале с увлекательным названием «Вестник частного инвестора» и довольно быстро наострилась списывать абзацы из пресс-релизов, кивать с умным видом на пресс-конференциях и задавать вопросы так, чтобы все подумали, будто я знаю, о чем идет речь. Через полтора года – хотите верьте, хотите нет, – но меня переманили в «Удачные сбережения».

Конечно, я и сейчас ничегошеньки не смыслю в финансах. Любой прохожий на улице знает о деньгах больше моего. Любой первоклассник разбирается в финансах лучше меня. Я работаю в этой сфере уже три года и до сих пор боюсь, что меня кто-нибудь раскусит.

Днем наш редактор Филип вдруг вызвал меня к себе. От неожиданности я даже подпрыгнула на стуле.

– Ребекка? Можно вас на пару слов? – И поманил меня рукой к своему столу. Мне показалось, что он произнес это не обычным голосом, а почти шепотом, будто хотел, чтобы нас никто не услышал. И так мне при этом улыбался, словно у него для меня припасены отличные новости.

«Боже мой, – подумала я. – Меня повысили. Точно. Филип наконец-то понял, что несправедливо платить мне меньше, чем Клэр, и поэтому решил повысить меня в должности до ее уровня. Или даже выше. И хочет мне сообщить об этом тайком, чтобы Клэр не обзавидовалась».

Помимо своей воли я расплываюсь в ответной улыбке, поднимаюсь, прохожу три метра до его стола, стараясь сохранять спокойствие и уже обдумывая, что бы мне прикупить на прибавку. Да, точно, куплю то стильное пальтишко в «Уистлз». И еще черные сапожки на высоком каблуке в «Пьед-а-Терр». Может быть, даже съезжу в отпуск. И расплачусь раз и навсегда с этими долгами по кредитке. Ох, как гора с плеч. Я *знала*, что все будет хорошо...

– Ребекка? – Филип сует мне визитку. – У меня не получается пойти на эту пресс-конференцию. Но там должно быть что-то интересное. Вы не могли бы туда сходить? Это будет у «Брендон Комьюникейшнс».

Моя счастливая улыбка тает, словно мороженое на солнце. Нет, это не повышение в должности. И даже не повышение в зарплате. Чувствую себя так, будто меня предали. *Зачем* он тогда заговорщицки улыбался? Должен был знать, как я это истолкую. Чурбан бессердечный.

– Что-то случилось? – вопрошает Филип.

– Нет, – бормочу я, но заставить себя растянуть губы в улыбке не могу. Стильное пальто и сапожки на каблуках растворяются в воздухе, словно мираж. Повышения не будет. Так, обычная пресс-конференция по поводу... Смотрю на визитку. По поводу нового инвестиционного фонда. Кому это вообще интересно?

– Вы могли бы рассказать об этом в разделе новостей.

– Ладно, – пожимаю я плечами и ухожу.

2

По дороге на пресс-конференцию мне нужно сделать одну очень важную покупку – газету «Файнэншиал таймс». Бесспорно, «ФТ» – лучшее украшение для девушки. Почему «ФТ»?

Во-первых, она красивого цвета. Во-вторых, стоит всего 85 пенсов. В-третьих, если войти в комнату, держа под мышкой «ФТ», все сразу начинают относиться к тебе чрезвычайно серьезно. С «ФТ» в руках можно нести какую угодно ерунду, и никто не подумает, что ты легкомысленная дурочка. Напротив, все сочтут тебя настоящей интеллектуалкой с широким кругозором.

На собеседование в «Удачные сбережения» я пришла с «ФТ» и «Вестником инвестора», и... мне не задали ни одного вопроса о финансах. Помню, что во время собеседования мы только и делали, что болтали о виллах на Лазурном берегу да сплетничали о других редакторах.

Торможу у газетного киоска, покупаю номер «ФТ», сую под мышку и любуюсь своим отражением в витрине «Денни и Джордж».

Неплохо смотрюсь: черная юбка от «Френч Коннекшн», простой белый топ от «Никер-бокс» и кардиганчик из ангоры, который я купила в «Маркс и Спенсер», но выглядит он так, словно от «Агнес Би». И еще новые туфли с квадратным носком из «Хоббс». Больше того, под юбкой и топом отпадный новый комплект белья – с вышитыми желтыми розочками, очень милый, пусть его никто и не видит. Все равно, это – самая красивая вещь из моего сегодняшнего туалета. У меня даже мелькает мысль, что было бы здорово, если бы меня сбила машина и все увидели, в каком я классном белье.

Это моя давняя привычка – перечислять все, что на мне надето, как это делают на странице моды в разных журналах. Началось это, еще когда я читала журнал «Seventeen». Для каждого номера они останавливали на улице девушку, фотографировали ее и перечисляли все, что на ней надето: футболка – «Челси Гёрл», джинсы – «Топ Шоп», туфли – взяла поносить у подруги. Я жадно поглощала все, что писали на этих страницах, и по сей день, если покупаю одежду в не очень модном магазине, тут же срезаю бирку. Так что если меня остановят и спросят, что на мне надето, могу преспокойно сделать вид, что не помню, откуда эта вещь.

В общем, неважно. И вот стою я перед витриной, любуюсь собой. Эх, хорошо бы сейчас откуда ни возьмись выскочил журналист с камерой... Но вдруг взгляд останавливается на одном слове, и сердце замирает. В витрине «Денни и Джордж» стоит скромный темно-зеленый прямоугольник, на котором кремовыми буквами написано: «РАСПРОДАЖА».

Я смотрю на него, а сердце глухо и тяжело бьется. Этого не может быть. «Денни и Джордж» никогда не устраивают распродаж. Их кашемировые шарфы и шали пользуются таким спросом, что они могли бы продавать товар и вдвое дороже. Все мои знакомые, весь мир жаждет занять шарфик от «Денни и Джордж». (Конечно, за исключением моих родителей. Моя мама уверена, что если вещь нельзя купить в обычном торговом центре, то она и вовсе не нужна.)

Тяжело сглатываю, приближаюсь к двери и вхожу в крошечный магазин. Дверь задевает подвешенный над ней колокольчик, и симпатичная светловолосая продавщица поднимает на меня взгляд. Не знаю, как зовут эту милую девушку, но мне она всегда нравилась. Она совсем не похожа на этих надменных коров из других магазинов и никогда не злится, если кто-то часами стоит у прилавка, разглядывая вещи, которые ему явно не по карману. Обычно я по полчаса пожираю глазами шарфики в магазине «Денни и Джордж», а потом

иду в соседний магазин аксессуаров и покупаю что-нибудь для поднятия духа. У меня дома целый ящик в комод забит заменителями «Денни и Джордж».

– Здравствуйте, – говорю я, пытаюсь придать голосу непринужденность. – У вас... кажется... распродажа.

– Да, – улыбается блондинка за прилавком. – Хотя такое обычно не в наших правилах.

Я ошалело оглядываю зал: на полках аккуратными стопочками сложены шарфы с темно-зелеными этикетками «скидка 50%». Набивной бархат; шелк, обшитый бисером; кашемир с вышивкой. И на всех шарфиках скромные ярлычки «Денни и Джордж». Их тут видимо-невидимо, просто глаза разбегаются... Я начинаю паниковать.

– Мне кажется, вам всегда нравился вот этот, – говорит милая блондинка, вытаскивая струящееся серо-голубое чудо из стопки прямо перед собой.

О да. Конечно. Этот шарфик я помню. Шелковый бархат с рисунком бледно-голубого цвета и переливающимися бусинками. Я смотрю на него и чувствую, как невидимые нити притягивают меня к этому сокровищу. Я не могу сопротивляться, я просто обязана прикоснуться к нему. Я должна надеть его. Я в жизни не видела ничего прекраснее этого шарфика. Девушка смотрит на ценник: «Цена снижена с 340 до 120 фунтов». Она подходит ко мне и обвивает шарф вокруг моей шеи, а я зачарованно смотрю на свое отражение в зеркале.

Какие могут быть сомнения? Я должна купить его. Непременно. С ним мои глаза кажутся больше, стрижка – дороже, и вообще я выгляжу по-другому. И носить могу его с чем угодно. И люди станут говорить обо мне: «Вон та девушка в шарфе от „Денни и Джордж“».

– На вашем месте я бы его купила не раздумывая, – улыбается мне продавщица. – Он один такой остался.

Пальцы мои сами собой намертво впиваются в шарф.

– Беру! – выдыхаю я. – Беру.

И вот она заворачивает шарфик в тонкую упаковочную бумагу, а я достаю кошелек и привычным жестом открываю отделение, где лежит моя «ВИЗА», но... нащупываю только кожаный край кармашка. Я удивленно замираю, а потом начинаю лихорадочно шарить по всем отделениям кошелька – решив, что засунула ее вместе с чеком или положила в отделение для визиток... И вдруг вспоминаю. Черт, я же оставила ее на столе!

Вот дура. Как я могла оставить карточку? Чем я только думала?

Добрая продавщица укладывает завернутый в шелестящий лист шарф в темно-зеленую фирменную коробку «Денни и Джордж». Боже. Что же делать?

– Как будете расплачиваться? – вежливо интересуется она.

Мое лицо заливают краска.

– Только что обнаружила – я забыла свою кредитку в офисе, – запинаясь, бормочу я.

– Ой. – Руки девушки застывают в воздухе.

– А вы не могли бы придержать его для меня?

Девушка явно в замешательстве.

– А на сколько?

– До завтра? – в отчаянии спрашиваю я. Черт. Она кривится. Неужели не понимает?

– Боюсь, что нет. Нам запрещено придерживать товар, выставленный со скидкой.

– Ну хотя бы до вечера, – прошу я. – Вы когда закрываетесь?

– В шесть.

В шесть! Меня охватывает возбуждение, смешанное с чувством огромного облегчения. Давай, Ребекка! Идешь на пресс-конференцию, смываешься оттуда пораньше, на такси мчишься в офис. Там хватаешь кредитку, говоришь Филипу, что забыла на пресс-конференции записную книжку, возвращаешься сюда и покупаешь шарфик.

– А до закрытия сможете придержать? – умоляю я. – Пожалуйста. Очень вас прошу.

Девушка сдается:

– Хорошо, отложу его для вас.

– Спасибо!

Выбегаю из магазина и спешу к «Брендон Комьюникейшнс», моля бога, чтобы пресс-конференция не затянулась. Господи, пожалуйста, сделай так, чтобы вопросы были короткими и чтобы я смогла купить себе тот шарфик.

Прибыв в «Брендон Комьюникейшнс», перевожу дух. Можно расслабиться – у меня же целых три часа, а мой шарфик надежно упрятан под прилавком. Никто у меня его не отнимет.

Плакат в фойе сообщает, что пресс-конференция на тему «Экзотические предложения от „Форланд Инвестментс“» состоится в зале Артемиды. Человек в униформе направляет всех в дальний конец коридора. Видимо, мероприятие серьезное. Не мирового масштаба, конечно, но весьма заметное событие в нашем тесном и скучном финансовом мире.

Вхожу в зал и сразу окунаюсь в гул голосов – народ общается, и между кучками людей снуют официантки, разнося канапе. Журналисты жадно глотают шампанское, словно впервые в жизни его видят, девушки-пиарщицы нехотя прихлебывают воду и надменно оглядывают собравшихся. Официант предлагает мне шампанское, и я беру сразу два бокала – один выпью сейчас, а второй поставлю под стул, чтобы было чем развлечься во время нудных докладов.

В дальнем конце зала замечаю Элли Грангер из «Еженедельника инвестора». Ее зажали в углу двое важных мужчин в костюмах, и она кивает им с серьезным видом, но по лицу заметно, что ни бельмеса не понимает. Элли – классная. Она работает в этом журнале всего полгода, а уже подала резюме на сорок три другие вакансии. Вообще-то она мечтает стать где-нибудь редактором отдела мод. А я хочу быть Фионой Филлипс³. Иногда по пьяной лавочке мы даем друг другу клятвы, что через три месяца бросим работу, если не добьемся чего-нибудь замечательного. Но на трезвую голову мысль о том, что я могу остаться без денег – даже на месяц, – кажется мне страшнее перспективы всю жизнь писать о пенсионных счетах.

– Ребекка! Хорошо, что вырвались сюда.

Поднимаю глаза и едва не захлебываюсь шампанским – передо мной Люк Брендон собственной персоной, глава компании «Брендон Комьюникейшнс». Он смотрит на меня так, словно знает, о чем я только что думала.

Я видела его всего пару раз, но мне всегда неловко в его присутствии. Во-первых, у него страшная репутация. Все, даже мой босс Филип, беспрестанно твердят, что Люк Брендон – настоящий гений. Он основал «Брендон Комьюникейшнс» с нуля, а теперь это крупнейшая компания по финансовому пиару во всем Лондоне. Несколько месяцев назад в какой-то газете написали, что он – один из самых умных предпринимателей своего поколения. И что у него феноменально высокий коэффициент интеллекта и фотографическая память (всегда недолюбливала людей с фотографической памятью). Но это еще не все. Когда Люк Брендон разговаривает со мной, он вечно морщится, как будто знает, какая я на самом деле обманщица. А вдруг окажется, что великолепный Люк Брендон обладает не только гениальными способностями, но и умеет читать мысли? И знает, что когда я с умным видом киваю и малюю в блокноте какие-то таблички, думаю-то в это время о той черной кофточке, которую на днях видела в магазине, и о том, смогу ли купить к ней еще и брючки.

– Вы, кажется, знакомы с Алисией? – спрашивает Люк и указывает на блондинку с безупречной внешностью.

Вообще-то я не знакома с Алисией. И нисколько по этому поводу не переживаю. Они все на одно лицо, эти девушки из «Брендон К.», как они называют свою контору. Прекрасно

³ Фиона Филлипс – одна из ведущих на канале MTV.

одеты, отлично воспитаны, искусно излагают свои мысли, все замужем за банкирами и обладают нулевым чувством юмора.

– Вы из «Удачных сбережений», если не ошибаюсь? – холодно говорит Алисия, пожимая мне руку.

– Да, – так же неприветливо отвечаю я.

– Прекрасно, что смогли прийти. Я знаю, что вы, журналисты, вечно заняты.

– Всегда пожалуйста. Мы стараемся не пропускать пресс-конференции, чтобы быть в курсе всех событий на рынке.

Я очень довольна своим ответом. Почти сама верю в то, что сказала.

Алисия серьезно кивает, будто бы мои слова для нее чрезвычайно важны.

– Скажите, Ребекка, что вы думаете о сегодняшних новостях? – спрашивает она, глядя на «ФТ» у меня под мышкой. – Совершенно неожиданно, не правда ли?

Господи, о чем это она?

– Да, довольно любопытно, – неопределенно говорю я и оглядываю зал в поисках подказки, но тщетно. Что же произошло? Процентные ставки возросли, что ли?

– Мне кажется, в целом для нашей сферы это плохие новости, – важно заявляет Алисия. – Хотя у вас наверняка собственное мнение на этот счет. – И смотрит на меня в ожидании ответа.

Чувствую, что краснею. Как же выпутаться? Все, с этого момента, честное слово даю, буду читать газеты каждое утро, чтобы никто никогда не смог меня еще раз так подловить.

– Полностью с вами согласна, – наконец улыбаюсь я, когда тянуть время больше невозможно. – Думаю, это очень плохие новости. – Голос у меня сдавленный. Отпиваю шампанского и молю бога, чтобы случилось землетрясение.

– Вы знали, что это может произойти? – спрашивает она. – Журналисты ведь обо всем узнают первыми.

– Я... да, конечно. – На мой взгляд, прозвучало убедительно.

– А теперь еще пошли слухи про «Скоттиш Прайм» и «Флагстафф Лайф». Они тоже решились на это! – И Алисия выжидающе замолкает. – Думаете, это правда?

– Э-э... трудно сказать, – отвечаю я и снова глотаю шампанского. Какие еще слухи? Господи, ну что она в меня вцепилась?

И тут я совершаю огромную ошибку – мельком бросаю взгляд на Люка Брендона. Он смотрит на меня со странным выражением на лице. Черт! Он *знает*, что я понятия не имею, о чем идет речь.

– Алисия, – вдруг говорит он, – пришла Мэгги Стивенс. Не могли бы вы...

– Конечно, – отвечает дрессированная Алисия и направляется к двери.

– Да, и еще, Алисия, – добавляет Люк; она быстро оборачивается. – Я хочу доподлинно знать, кто напортил с цифрами.

– Ясно, – выдыхает Алисия и буквально удирает.

Черт, все-таки он страшный. И теперь я осталась с ним с глазу на глаз. Так и хочется провалиться сквозь землю.

– Ну, – говорю я резко, – мне пора идти... Люк Брендон наклоняется ко мне и тихо шепчет:

– SBG сегодня утром объявили, что перекупили «Рутланд Банк».

Ну конечно! Теперь я вспоминаю, что слышала что-то такое в новостях.

– Знаю, – надменно говорю я. – Читала в «ФТ».

И прежде, чем он успевает ответить, ухожу пообщаться с Элли.

Пресс-конференция вот-вот должна начаться, поэтому я иду к задним рядам и занимаю два места – для себя и для Элли. Открываю блокнот, пишу вверх страницы «Брендон

Комьюникейшнс» и начинаю разрисовывать поля орнаментами из цветочков. Рядом сидит Элли и набирает номер гороскопа по мобильному телефону.

Отпиваю шампанского, откидываюсь на спинку стула и намереваюсь приятно провести время. Какой смысл слушать, что там говорят на пресс-конференциях? Вся необходимая информация есть в пресс-релизе, и по ней потом легко вычислить, о чем шла речь. Интересно, а заметит ли кто-нибудь, если я сейчас достану лак и начну красить ногти? Но тут ко мне подсказывает ужасная Алисия.

– Ребекка?

– Да, – лениво отзываюсь я.

– Вас к телефону. Ваш редактор.

– Филип? – уточняю я, как дура. Можно подумать, у меня сто редакторов.

– Да. – Она смотрит на меня как на конченную тупицу и указывает на телефон в дальнем углу зала.

Элли вопрошающе поднимает брови, я в ответ пожимаю плечами. Филип никогда еще не звонил мне во время пресс-конференций.

Проходя по залу, я чувствую свою важность, но и волнение тоже. Может, в нашем офисе пожар? Или Филип нарыл какую-нибудь сенсацию и хочет отправить меня в Нью-Йорк провести расследование?

– Алло, Филип? – Эх, неправильное начало. Нужно было сказать что-нибудь более резкое и краткое, например суховатое «Да?».

– Ребекка, извините, что достаю вас целый день, но у меня начинается мигрень, и я собираюсь домой, – говорит Филип.

– А-а, – в недоумении тяну я.

– Вот я и подумал, не могли бы вы выполнить небольшое поручение.

Поручение? Да за кого он меня держит? Если ему нужна девочка для побегушек за анальгином, пусть себе секретаршу заведет.

– Не знаю, – обескураженно отвечаю я. – Не уверена, что смогу уйти с конференции.

– Когда освободитесь. Комитет по социальной защите в пять часов подготовит отчет, вам не составит труда заехать и забрать его? После пресс-конференции вы сможете доехать прямо до Вестминстера.

Что? Я смотрю на телефон в ужасе. Не могу я забрать этот чертов отчет. Мне нужно забрать свою кредитку из офиса! И выкупить свой шарф!

– А что, Клэр не может поехать? – спрашиваю я. – Я собиралась вернуться в офис и закончить свою статью по... – О чем это я должна была написать в этом месяце?... – По ипотечным ссудам.

– Клэр будет на брифинге в Сити. А Вестминстер как раз по дороге в ваш супермодный Фулхэм.

Филип *никогда* не упускает случая подколоть меня по поводу Фулхэма, потому что сам он живет в Харпендене⁴.

– Вам всего лишь нужно выйти из метро, захватить отчет и снова сесть в метро.

Боже мой, отвертеться от него точно не получится. Закрываю глаза и быстро соображаю. Так, час тут. Потом бегом в офис, беру кредитку, мчусь в «Денни и Джордж», выкупаю свой шарфик, пулей в Вестминстер, забираю отчет. В принципе, должна успеть.

– Хорошо, – отвечаю я. – Будет сделано.

На свое место я возвращаюсь как раз перед тем, как в зале гаснет свет и на экране появляется надпись: «ПРЕДЛОЖЕНИЕ – ДАЛЬНИЙ ВОСТОК». Потом идет черед ярких

⁴ Фулхэм – один из самых дорогих районов Центрального Лондона. Харпенден – лондонский пригород.

картинок из Гонконга, Таиланда и прочих экзотических мест, виды которых пробуждают желание немедленно поехать в отпуск. Но сегодня я не могу расслабиться и посмеяться над новенькой журналисткой из «Портфолио уик», которая старательно конспектирует каждое слово и непременно задаст не меньше пяти вопросов только потому, что уверена, будто это ее прямая обязанность. Я слишком озабочена покупкой шарфа. А что, если я не успею прийти вовремя? Или кто-нибудь предложит за него более высокую цену? От одной этой мысли меня в холодный пот кидает.

Но когда на экране фотографии с тайскими видами сменяются скучной диаграммой, меня осеняет гениальная мысль. Ну разумеется! Я могу заплатить за шарф наличными. Против наличных никто не поперет. Сто фунтов обналичу с кредитки, и остается лишь занять где-то еще двадцать.

Выдираю страничку из своего блокнота, пишу: «Можешь дать займы двадцать фунтов?» – и передаю бумажку Элли, которая все еще тайком слушает что-то по мобильнику. Интересно, неужели до сих пор гороскоп? Она опускает взгляд на бумажку, мотает головой и корябает: «Нет, не могу. Мою карточку автомат сожрал. Живу на столовские талоны».

Вот черт! Помедлив немного, пишу: «А кредитку можешь дать займы? Я верну деньги, честное слово. И что ты там слушаешь?»

Передаю ей записку, и тут же в зале включают свет. Презентация закончилась, а я не слышала ни одного слова. Люди начинают вставать с мест, а девушка-пиарщица раздает глянцевые брошюры. Элли закончила слушать свой мобильник и улыбается мне:

– Предсказания в любви. Всегда сбываются. – И тут же начинает набирать другой номер.

– Да уж, вранье это все, – неодобрительно качаю я головой. – Поверить не могу, что ты это всерьез. А еще финансовый журналист.

– На себя посмотри, – говорит она, и мы дружно смеемся.

Но тут какой-то старый пень из центральной газеты поворачивается к нам и кидает злобный взгляд.

– Дамы и господа, – раздается пронзительный голос, и я поневоле смотрю на сцену. Это Алисия. Она вышла вперед. А у нее красивые ноги, завистливо отмечаю я про себя. – Как видите, Сберегательный счет Экзотических Возможностей Форланда предлагает совершенно новый подход к инвестициям. – Она оглядывает зал, встречает мой взгляд и холодно улыбается.

– «Экзотические возможности...» – насмешливо говорю я Элли вполголоса и тычу в буклет. – Скорее экзотические цены. Видела, сколько у них это стоит?

Я всегда в первую очередь смотрю на цены. Элли понимающе поднимает глаза к потолку, но от телефона не отрывается.

– «Форланд Инвестментс» – это всегда увеличение капитала, – продолжает Алисия своим противным голосом. – «Форланд» предлагает вам больше.

– Они больше берут, вы больше теряете, – нечаянно слишком громко говорю я. В зале раздается смех.

Черт, неудобно как вышло. Теперь еще и Люк Брендон на меня уставился. Я быстренько утыкаю нос в блокнот и делаю вид, будто что-то записываю. Хотя, если честно, не понимаю, чего ради вообще притворяться. Мы же все равно в своем журнале не печатаем ничего помимо той чепухи, что они выдают нам в своих пресс-релизах. Компания «Форланд Инвестментс» выкупает у нас целый разворот на рекламу каждый месяц. Кроме того, в прошлом году они организовали для Филипа какую-то деловую (ха-ха) поездку в Таиланд. Так что нам про них разрешено писать только хвалебные отзывы и петь дифирамбы.

Пока Алисия что-то там вещает, я наклоняюсь к Элли и шепчу:

– Ну что, можно мне попользоваться твоей кредиткой?

– Я по ней уже все выгребла – даже лимит исчерпала, – извиняется она тоже шепотом. – С чего бы я иначе стала на талоны питаться?

– Но мне нужны деньги! Очень! Мне до зарезу нужны двадцать фунтов.

Это прозвучало слишком громко. Алисия замолкает, но тут же находится:

– Может быть, вам стоит вложить деньги в «Форланд Инвестментс», Ребекка?

По залу опять прокатывается смешок. Некоторые оборачиваются, чтобы поглазеть на меня, и я нагло смотрю на них в ответ.

Господи, они ведь тоже журналисты. Могли бы принять мою сторону. Где же наша профессиональная солидарность? Нет, я, конечно, не член профсоюза, но тем не менее.

– Для чего вам двадцать фунтов? – спрашивает Люк Брендон со сцены.

– Э-э... для тетушки, – дерзко заявляю я. – Она в больнице, и я хотела купить ей подарок.

И тут, к моему изумлению, Люк Брендон достает из кармана двадцать фунтов и передает их мужчине в первом ряду. Тот сначала мешкает, но потом передает их на второй ряд, и так двадцать фунтов из рук в руки, из ряда в ряд плывут ко мне, словно фанат на рок-концерте. Когда купюра наконец достигает цели, зал взрывается аплодисментами, вгоняя меня в краску.

– Спасибо, – тихо говорю я. – Конечно, я обязательно верну вам эти деньги.

– Передайте мои наилучшие пожелания вашей тетушке, – отвечает Люк Брендон.

– Спасибо, – снова благодарю я, потом кидаю взгляд на Алисию, и меня окатывает волна победного восторга. Она выглядит совершенно убитой.

К концу времени, отведенного на вопросы, люди начинают потихоньку сбегать. Обычно я тоже стараюсь улизнуть, чтобы выкроить часок для чашечки капучино и шатаний по магазинам. Но не сегодня. Сегодня я решила досидеть до последнего, самого нудного вопроса о налогообложении и после лично поблагодарить Люка Брендона за его добрый, хотя и унижительный жест. А уж потом пойти выкупать свой шарф. Ура!

Однако план неожиданно проваливается. Уже после нескольких вопросов Люк Брендон встает, шепчет что-то Алисии и направляется к выходу.

– Спасибо, – бормочу я, когда он проходит мимо, но не уверена, что он расслышал.

Какая разница? Главное, что я получила свои двадцать фунтов.

По дороге из Вестминстера поезд вдруг останавливается в тоннеле. Проходит пять минут, десять. Вот не везет! Обычно я, наоборот, очень надеюсь, что поезд где-нибудь застрянет и у меня появится уважительная причина подольше не возвращаться в офис. Но сегодня я веду себя, как нервный бизнесмен-язвенник. Барабаню пальцами по стеклу, всматриваюсь в темноту, как будто надеюсь что-то разглядеть.

Умом понимаю, что до закрытия магазина еще масса времени. И что даже если я опоздаю, шарфик вряд ли успеют продать кому-то другому. Но тем не менее такая угроза есть. Так что пока шарфик не будет у меня в руках, расслабиться я не смогу.

Когда поезд наконец приходит в движение, я поудобнее устраиваюсь на сиденье, демонстративно вздыхаю и обращаю взор на сидящего рядом бледного и тихого мужчину.

– Ну слава богу! А то я уже всякую надежду потеряла.

– Да, это нервирует, – тихо соглашается он.

– Им ведь и в голову не придет подумать, что у нас есть срочные дела! Я вот, например, очень спешу.

– Да, я тоже тороплюсь.

– Не знаю, что бы я делала, если бы мы сейчас не поехали. Чувствую себя такой... беспомощной.

– Да, понимаю. Они не думают, что некоторые из нас... – он вежливо кивает в мою сторону, – не просто так едут. И кому-то очень важно приехать как можно скорей...

– Вот именно! – подхватываю я. – А вы куда торопитесь?

– У меня жена рождает, – отвечает тот. – Наш четвертый.

– О, – удивляюсь я. – Боже мой... поздравляю. Надеюсь, вы...

– В прошлый раз она за полтора часа родила, – говорит он, вытирая влажный лоб. – А я в метро уже сорок минут еду. Ну что ж. Главное, мы сдвинулись с места. – Он пожимает плечами и улыбается мне. – А куда вы спешите? Какое у вас срочное дело?

Господи.

– Э-э... Я...

Откашливаюсь и чувствую, что краснею до корней волос. Как сказать этому человеку, что мое срочное дело – всего лишь шарфик в магазине «Денни и Джордж»? Это ведь даже не костюм, или пальто, или что-нибудь такое же основательное. И слышу, как бормочу в ответ:

– Ну, мое дело не такое важное, как ваше.

– Не может быть, – любезно возражает он.

Вот черт, теперь мне действительно не по себе. Но тут, слава богу, мы подъезжаем к моей остановке.

– Удачи вам, – говорю я, поспешно срываясь с места. – Надеюсь, вы успеете вовремя.

Иду по улице немного пристыженная. Наверное, надо было отдать сто двадцать фунтов тому будущему отцу на ребенка, вместо того чтобы покупать очередной ненужный шарфик. Ведь если задуматься, то что важнее? Тряпки или появление нового человека?

Размышляя на эту тему, чувствую себя ужасно глубокомысленным человеком, настоящим философом. Больше вам скажу, я так задумалась, что чуть не проскочила нужную улицу. А когда оторвала взгляд от мостовой, то чуть не оступилась: навстречу мне шла девушка с пакетом «Денни и Джордж» в руке. Все мои благие мысли мигом улетучились.

О боже!

А вдруг она купила мой шарф?!

Взяла и попросила именно этот шарфик, а продавщица решила, что я уже не вернусь, и продала ей его?

От ужаса у меня даже сердце заколотилось, и я почти бегом кинулась к магазину. У двери я буквально задыхалась от страха. А вдруг шарфика нет?! Что тогда я буду делать?

Но едва я вхожу в магазин, блондинка из-за прилавка радостно улыбается:

– Добрый вечер! Он вас ждет.

– Ой, спасибо большое, – с облегчением вздыхаю я и от слабости почти валяюсь на прилавок.

Честное слово, устала так, будто только что преодолела армейскую полосу препятствий. Думаю, надо бы включить походы по магазинам в список упражнений для укрепления сердечно-сосудистой системы. Ничто не учащает мой пульс сильнее, чем вывеска «скидка 50%».

Отсчитываю десятки и двадцатки и почти дрожу от предвкушения, когда девушка ныряет под прилавок и достает оттуда зеленую коробку. Она засовывает ее в гляцевую бумажную сумку с зелеными веревочными ручками и передает мне. Ощущение настолько приятное, что от удовольствия мне даже хочется зажмуриться.

Вот оно, мгновение счастья – когда пальцы обхватывают ручку блестящей, хрусткой сумки и все содержимое этой фирменной упаковки переходит в мое полное владение. На что похоже чувство, возникающее в такой момент? Это все равно что голодать несколько дней, а потом откусить большущий кусок горячего тоста с маслом. Или проснуться утром и осознать, что сегодня суббота. Да что там, такие мгновения сравнимы с лучшими момен-

тами секса. Ничто больше не существует – все мысли и чувства сконцентрированы на этом чудесном ощущении. На одном чистом, эгоистическом удовольствии.

Я медленно выхожу из магазина, все еще пребывая в розовом тумане. У меня есть шарф от «Денни и Джордж». У меня есть шарф от «Денни и Джордж»! У меня есть....

– Ребекка, – прерывает мои мысли мужской голос. Я поднимаю глаза и едва не икаю от ужаса. Это Люк Брендон.

Люк Брендон собственной персоной стоит на тротуаре, прямо напротив меня, и смотрит на мою сумку. Как вам это нравится? Что он тут вообще делает? На тротуаре. Разве люди его класса не должны иметь собственного шофера? И разве он не должен спешить на какую-нибудь жизненно важную деловую встречу? В душе нарастает раздражение и беспокойство.

– Вы все успели? – спрашивает он, немного хмурясь.

– Простите?

– Купить подарок для вашей тетушки.

– Ах да, – отвечаю я и сглатываю. – Успела... Купила.

– Это он? – спрашивает Люк и показывает на сумку.

Чувствую, как мои щеки пылают от стыда. Но ничего другого не остается.

– Я подумала, что... шарфик будет очень кстати.

– Весьма щедро с вашей стороны. «Денни и Джордж». – Он удивленно поднимает брови. – Ваша тетушка, наверное, очень стильная дама.

– Да, очень, – соглашаюсь я и откашливаюсь. – Такая, знаете ли, творческая натура. И большая оригиналка.

– Не сомневаюсь, – говорит Люк и замолкает. – А как ее зовут?

Черт! Надо было бежать, как только его увидела, пока еще был шанс. Теперь я парализована. На ум не идет ни одно женское имя.

– Э-э... М-м... Эрминтруда, – слышу свой голос.

– Тетушка Эрминтруда, – задумчиво вторит Люк. – Что ж, передайте ей мои наилучшие пожелания.

Потом кивает мне и уходит. А я смотрю ему вслед, пытаюсь понять, догадался или нет.

3

Я переступаю порог нашей квартиры. Сьюзи поднимает на меня взгляд и ахает:

– «Денни и Джордж»! Бекки, не может быть!

– Может, – расплываюсь я в улыбке от уха до уха. – Я купила себе шарфик.

Она вскакивает с дивана и бежит ко мне.

– Покажи! Покажи-покажи-покажи! – И дергает за ручки сумки.

Вот почему мне так нравится жить в одной квартире со Сьюзи. Джулия, моя прежняя соседка, сейчас бы сморщила лоб и переспросила: «Денни и кто?» Или, еще хуже, заметила бы: «Дороговато для шарфика».

Но Сьюзи меня целиком и полностью понимает. Скажу вам откровенно, она еще большая транжира, чем я.

Однако она может себе это позволить. Ей, как и мне, двадцать пять лет, но родители до сих пор выдают ей деньги на карманные расходы. Вообще-то они называются «деньги на содержание» и каплют с какого-то семейного фонда, но, по-моему, это и есть самые настоящие карманные деньги. А еще, когда Сьюзи исполнился двадцать один год, родители купили ей эту квартиру в Фулхэме, где она проживает и по сей день, не слишком утруждая себя работой и большую часть времени занимаясь дуракавалянием.

Какое-то (очень непродолжительное) время она трудилась специалистом по связям с общественностью, в ту пору я с ней и познакомилась – во время деловой поездки на остров Гернси. Сьюзи тогда работала в «Брендон Комьюникейшнс». Не считите за хамство, но она и сама признается, что была самой непутевой пиарщицей в мире. Однажды она совершенно забыла, какой банк должна представлять, и стала энергично нахваливать главного конкурента своих клиентов. Представитель банка с каждым ее словом становился все злее и злее, а журналисты загибались от смеха. Сьюзи, конечно, крупно влетело, и в тот самый момент она и решила, что не стоит губить жизнь на ниве пиара. (Другими словами, Люк Брендон уволил ее, как только они вернулись в Лондон. Тем самым дав мне еще один повод невзлюбить его.)

Но мы со Сьюзи, помню, отлично проводили время – пили вино до рассвета и болтали. А когда Джулия, моя соседка по прежней квартире, ни с того ни с сего вдруг сбежала со своим научным руководителем (та еще была темная лошадка), Сьюзи предложила мне переехать в ее квартиру в Фулхэме. Уверена, что она с меня берет намного меньшую ренту, чем следовало бы, но я и не возражаю, ибо рыночные цены мне не по карману. Если говорить о рыночных ценах на жилье, то мне бы надо жить в дешевых трущобах. Как обычный человек может позволить себе жить в таком безумно дорогом районе, как Фулхэм? Никогда мне этого не понять.

– Бекки, открывай же! – умоляет Сьюзи. – Очень хочется посмотреть! – Ее ловкие пальцы проскальзывают в сумку, и мне приходится отдернуть пакет, чтобы она его не порвала.

Эту сумочку я повешу вместе с остальными модными фирменными пакетами на ручку двери в своей комнате. Они пригодятся мне, если нужно будет пустить кому-нибудь пыль в глаза. (Слава богу, на сумке не приклепнули наклейку «распродажа». Терпеть не могу магазины, которые так поступают. Какой смысл носить фирменную сумку, если на ней жирными буквами наляпано «распродажа»? С таким же успехом можно написать «скряга» или «дешевка».)

Очень медленно я достаю из сумки зеленую коробку, снимаю крышку и разворачиваю оберточную бумагу. Затем почти с благоговейным трепетом вынимаю шарф. Он великоле-

пен. Сейчас он выглядит даже красивее, чем в магазине. Я накидываю его на шею и глупо улыбаюсь Сьюзи.

– Ах, Бекки, – шепчет она, – обалдеть!

Мы обе замолкаем. В этот момент мы приобщаемся к высшему существу – Богу Шопинга. Но тут Сьюз умудряется все испортить.

– Ты можешь его надеть в выходные на свидание с Джеймсом, – говорит она.

– Это вряд ли, – почти сердито отвечаю я, снимая шарф. – Я с ним больше не встречаюсь.

– Как это?

– Так. Мы расстались. – И я пожимаю плечами с полным безразличием.

Сьюзи делает большие глаза:

– Правда? А почему? Ты мне не говорила!

– Не говорила. Понимаешь, это немного... неудобно.

– Ты его бросила? У вас же еще даже секса не было!

Сьюзи от удивления едва не кричит. Ей очень хочется узнать, что произошло. Вопрос только в том, хочется ли мне ей рассказать? Сначала я решаю все оставить в секрете, но потом думаю: да к черту все!

– Знаю, в этом-то и проблема, – говорю я.

– В смысле? – наклоняется ближе она. – Бекки, ты о чем?

Я набираю полную грудь воздуха и поворачиваюсь к ней:

– Он не хотел.

– Ты ему не нравилась?

– Не в этом дело... Он... – Закрываю глаза, сама с трудом веря в то, что собираюсь сказать. – Он против секса до свадьбы.

– Шутишь?

Открываю глаза и вижу на лице Сьюзи неподдельный ужас. Как будто я только что произнесла страшное богохульство.

– Скажи, что ты пошутила.

– Нет, не пошутила. – Мне удается выдавить слабую улыбку. – Неловко, честное слово. Я, как бы это сказать, на него набросилась, и ему пришлось от меня отбиваться.

Воспоминания о пережитом унижении, которые я до сих пор успешно загоняла в дальний угол памяти, теперь всплыли с удивительной яркостью. Я познакомилась с Джеймсом за несколько недель до этого, и нам предстояло злополучное третье свидание. Мы поужинали в очень милом ресторане, и Джеймс настоятельно потребовал, чтобы я позволила ему заплатить за меня. Потом поехали к нему, и кончилось все тем, что мы оказались на диване и стали целоваться.

И что я *должна* была подумать? Вот мы с ним наедине, и уж поверьте мне, даже если разум его твердил «нет», тело, без сомнения, кричало «да, да, да!». Ну я, как девушка современная, потянулась к его молнии и начала расстегивать брюки. Когда он оттолкнул мою руку, я подумала, что он со мной играет, поэтому с удвоенным энтузиазмом продолжила попытки стянуть с него штаны.

Сейчас, мысленно прокручивая ситуацию, я думаю, что слишком долго не могла сообщить, что он не шутил. Если честно, ему даже пришлось ударить меня по лицу, чтобы я от него отстала. Хотя он потом очень извинялся.

Сьюзи смотрит на меня остекленевшим от ужаса взглядом, но спустя минуту начинает взхлеб хохотать.

– Он был вынужден от тебя отбиваться? Бекки, да ты настоящая хищница!

– Перестань! – протестую я. – Он был очень добр. Спросил, готова ли я ждать его.

– А ты ответила: «Ни фига!»

– Почти... – И я отвожу взгляд. Вообще-то я, кажется, поставила ему ультиматум. «Попробуй сопротивляться мне, если сможешь, Джеймс, – сказала я хриплым шепотом, пожирая его, как мне думалось, жадным сексуальным взглядом. – Но я знаю, не пройдет и недели, как ты сам постучишь в мою дверь». Прошло уже больше недели, а в мою дверь никто даже и не поскребся. Прямо скажем, девушке такое отношение не льстит.

– Но ведь это чудовищно! – говорит Сьюзи. – А как же сексуальная совместимость?

– Не знаю, – пожимаю я плечами. – Видимо, он готов рискнуть.

– А ты хоть видела... – Не удержавшись, Сьюзи прыскает.

– Нет! Он и близко меня к нему не подпустил!

– Но хотя бы на ощупь? Может быть, он крошечный? – В глазах Сьюзи мелькает коварный блеск. – Уверена, что так и есть. Он хочет обманом заманить в жены бедную девушку, и ей всю жизнь придется мириться с этим игрушечным пенисом. Бекки, тебе очень повезло, что ты не угодила в его лапы! – Она закуривает сигарету.

– Отойди, – раздраженно говорю я. – Не хватало еще, чтобы мой новый шарфик провонял табаком.

– Ну и какие у тебя планы на выходные? – затягиваясь, интересуется Сьюзи. – Справишься одна? Может, поедem в мою деревню?

Это она про свое фамильное поместье в Хэмпшире. *В мою деревню*. Как будто она владеет целым поселением вместе с его жителями и домашними животными.

– Нет, спасибо, – угрюмо бубню я и беру программу телевидения. – Хочу навестить родителей.

– Ну ладно, передавай маме от меня привет.

– Передам, – обещаю я. – А ты передай от меня привет Пепперу.

Пеппер – это конь Сьюзи. Она ездит на нем от силы раза три в году, но стоит ее родителям завести речь о продаже коняшки, Сьюзи начинает биться в истерику. А содержание животного обходится ее семье в пятнадцать тысяч ежегодно. Пятнадцать тысяч. И как он отрабатывает эти деньги? Стоит в конюшне и лопаet яблоки. Этак и я могу лошаdью работать.

– Да, кстати, – говорит Сьюз, – пришла квитанция на местный налог. По три сотни на нос.

– Триста... фунтов? – Я смотрю на нее в ужасе. – И что, прямо враз все выплатить?

– Да, и мы уже опаздываем с оплатой. Просто выпиши мне чек, или что там еще.

– Отлично, – с наигранной легкостью отвечаю я. – Считай, они уже у тебя.

Достаю из сумки чековую книжку и выписываю чек на триста фунтов. Сьюзи так великодушна по части квартплаты, что, помимо оплаты своей половины счетов, я иногда еще и приплачиваю. Тем не менее, передавая Сьюзи чек, я чувствую легкий холодок. Вот так легко ушли триста фунтов. А на мне все еще висит тот неоплаченный счет по кредитке. Месяц не задался.

– Да, тебе кто-то звонил, – вспоминает Сьюз и щурится, разглядывая какую-то бумажку. – Эрика Парнсип, есть такая?

– Эрика *Парнсип*?

Иногда мне кажется, что Сьюзи в юности слишком увлекалась расширением сознания.

– Парнел. Эрика Парнел из банка «Эндвич». Просила ей перезвонить.

Я, оцепенев от ужаса, не могу оторвать от Сьюзи безумного взгляда.

– Она звонила сюда, по этому номеру?

– Да, сегодня днем.

– Черт! – Сердце забилося в агонии. – И что ты ей сказала? Что я больна, у меня жестокая ангина?

– Какая еще ангина? – Теперь Сьюзи уперлась в меня безумным взглядом. – С чего бы это я стала говорить, будто у тебя ангина!

– А про ногу она спрашивала? Вообще про мое здоровье?

– Нет! Просто спросила, где ты, а я сказала, что на работе...

– Сьюзи! – вырывается у меня вой отчаяния.

– А что я, *по-твоему*, должна была сказать?

– Что я прикована к постели с ангиной и сломанной ногой!

– Ну спасибо, что предупредила! – Сьюзи хмыкает и усаживается в позу «лотоса». У нее самые тонкие, длинные и гибкие конечности, какие мне только доводилось видеть. В черных легинсах она похожа на паука. – Слушай, а в чем проблема? Ты превысила лимит?

Превысила ли я лимит?

– Слегка... Само все разрешится.

Сьюзи молчит. Я поднимаю глаза и вижу, что она рвет мой чек.

– Сьюзи, не глупи!

– Отдашь, когда будут деньги, – говорит она тоном, не терпящим возражений.

– Спасибо, – обнимаю я ее.

Сьюзи просто обязана получить титул лучшей подруги всех времен и народов.

Весь вечер и следующее утро меня мучает неприятное ощущение в животе. Даже радость обладания шарфиком от «Денни и Джордж» не облегчает страданий. Я лежу в постели, пялюсь в потолок и впервые за несколько месяцев подсчитываю, кому сколько должна. Банку по карточке «ВИЗА», по карточке от «Харвей Николс», от «Дебенхамс», от «Фенвикс»... а теперь я должна еще и Сьюзи.

Итого... дайте-ка подумать... да, итого шесть тысяч фунтов.

От одной этой цифры у меня мурашки по коже. Откуда мне взять шесть тысяч? Можно откладывать по шесть фунтов в неделю в течение тысячи недель. Или пятьсот недель по двенадцать фунтов. Или... по шестьдесят фунтов в течение сотни недель. Вот, это уже ближе к истине. Но, черт возьми, как мне сэкономить шестьдесят фунтов в неделю?

А если начитаться энциклопедий и пойти играть в интеллектуальную игру? Или изобрести что-нибудь очень умное. Или... выиграть в лотерею! От этой мысли мне становится тепло и легко на душе, я закрываю глаза и заползаю обратно под свое уютное одеяло. Да, лотерея – лучший выход из ситуации.

Нет, на джекпот я, конечно, не претендую – это *абсолютно* маловероятно. А вот приз поскромнее – это да. Их ведь очень много раздают. Скажем, сотня тысяч фунтов меня бы устроила. Я бы расплатилась с долгами, купила машину, квартиру...

Но если подумать, лучше выиграть двести тысяч. Или двести пятьдесят.

А самый прекрасный вариант – джекпот на нескольких человек. «Пять победителей получают по одному и три десятых миллиона фунтов». (Обожаю, как они это произносят: «один и три десятых». Как будто эти самые три десятых – мизерная, совершенно незначительная сумма. Как будто можно даже не заметить, были там эти три десятых или нет.)

Да, одного и три десятых миллиона мне должно хватить. И я ведь не жадничаю – готова выиграть один джекпот на пятерых. Боже, пожалуйста, пошли мне выигрыш в лотерею, я честно со всеми поделюсь.

И вот, по дороге к родителям, я останавливаюсь у заправочной станции купить пару лотерейных билетиков. Полчаса у меня уходит на то, чтобы выбрать числа. По моим наблюдениям, часто выпадают 44 и 42. Так, а остальные? Выписываю на бумажке несколько рядов чисел и всматриваюсь в них, пытаюсь представить эти цифры на телеэкране.

Нет! Ужасно! О чем я думаю? Во-первых, единица никогда не выпадает. Да и шестерка с девяткой смотрятся так себе.

3 14 21 25 36 44

Уже лучше. Вписываю цифры в билет.

5 11 18 27 28 42

Да, это мне нравится. Этот билет похож на выигрышный. Представляю, как Мойра Стюарт читает новости: «Один билет, владелец которого предположительно проживает в юго-западной части Лондона, выиграл джекпот в размере десять миллионов фунтов».

На какое-то мгновение я вдруг чувствую слабость в ногах. Что мне делать с десятью миллионами? С чего начать?

Ну, перво-наперво, конечно, устрою грандиозную вечеринку. В каком-нибудь шикарном, но клевом месте, с морем шампанского, танцами и заказанными такси, чтобы никому не пришлось вести машину. И еще всем гостям подарки, например хорошую пену для ванны или вроде того. (А Кельвин Кляйн выпускает пену? Надо взять на заметку – в следующий раз пойду в «Бутс»⁵, посмотрю.)

Потом обязательно куплю дома для всех родных и друзей. Привалившись к лотерейному киоску и закрыв глаза, пытаюсь сосредоточиться. Так, если купить двадцать домов по двести пятьдесят тысяч фунтов, тогда у меня останется... пять миллионов. Плюс еще около пятидесяти тысяч уйдет на вечеринку. Потом я всех возьму в отпуск, скажем... на Барбадос. Это мне обойдется примерно... в сотню тысяч, если все полетим клубным классом.

Значит, остается четыре миллиона восемьсот пятьдесят тысяч. Ах да, нужно уплатить шесть тысяч по счетам, да еще триста я должна Съюзи. Не будем мелочиться, округлим до семи тысяч. Итого осталось... четыре миллиона восемьсот сорок три тысячи.

Безусловно, я отдам значительную сумму на благотворительность. Скорее всего, открою свой собственный благотворительный фонд. И буду давать деньги самым немодным организациям, про которые всегда забывают меценаты, например фонду борьбы с кожными заболеваниями или фонду помощи престарелым. И еще обязательно пошлю чек на крупную сумму своей старой учительнице английского, миссис Джеймс, чтобы она могла обновить школьную библиотеку. И есть шанс, что эту библиотеку переименуют в честь меня. «Блумвудская библиотека».

Да, чуть не забыла – триста фунтов за то стильное пальтишко в магазине «Уистлз». Надо его обязательно купить, пока они не закончились. Значит, сколько у меня останется? Четыре миллиона восемьсот сорок три тысячи минус...

– Простите, – прерывает мои грезы чей-то голос, и я удивленно открываю глаза. Женщина позади меня пытается дотянуться до шариковой ручки.

– Извините, – говорю я и вежливо подвигаюсь. Но ход мыслей прерван, и я забыла, на чем остановилась. Сколько у меня – четыре или пять миллионов?

Но тут я вижу, что женщина разглядывает мою бумажку с цифрами, и в голову закрадывается жуткая мысль: а что, если одна из отвергнутых мной комбинаций окажется выигрышной? Вдруг выиграет как раз 1 6 9 16 23 44, а я написала другие цифры? Этого я не смогу себе простить всю оставшуюся жизнь.

⁵ Сеть аптек, в которых также можно купить бутерброды и напитки.

Быстро вписываю в билеты все комбинации чисел с бумажки. Итого девять билетов. Девять фунтов, немало. Хм, мне уже почти жаль, что я потратила столько денег. Но ведь это значит, что и шансы выиграть в девять раз выше?

И теперь мне очень даже нравится сочетание 1 6 9 16 23 44. Просто удивительно, почему именно этот ряд запал мне в память? Может, кто-то свыше пытается мне что-то подсказать?

**Универмаг Бромптон
КЛИЕНТСКИЙ ОТДЕЛ
Бромптон-стрит, 1
Лондон**

Ребекке Блумвуд
Берни-роуд, д. 4, кв. 2
Лондон

2 марта 2000 года.

Уважаемая миз Блумвуд,

По нашим данным, Вы не оплатили последний счет по Вашей карте «Бромптон». Если в течение предыдущих нескольких дней Вы оплатили счет, можете не принимать во внимание данное письмо.

Ваша задолженность по карте на 2.03.2000 г. составляет 235,76 фунта. Минимальный взнос – 43 фунта. Оплатить можете наличными, чеком или заполнить прилагаемую квитанцию. Ждем поступления Вашей оплаты.

С уважением,
Джон Хантер,
менеджер клиентского отдела.

**Универмаг Бромптон
КЛИЕНТСКИЙ ОТДЕЛ
Бромптон-стрит, 1
Лондон**

Ребекке Блумвуд
Берни-роуд, д. 4, кв. 2
Лондон

2 марта 2000 года.

Уважаемая миз Блумвуд,

Еще никогда у Вас не было лучшей возможности потратить деньги!

В течение ограниченного времени мы предлагаем **БОНУСНЫЕ ОЧКИ** по всем покупкам свыше 50 фунтов, оплаченные карточкой «Бромптон»*, – не упустите шанс добавить очки в свою копилку и получить грандиозные подарки.

Вот некоторые из великолепных подарков, которые Вы можете получить за набранные очки:

Кожаная сумка, производство Италия: 1000 очков

Ящик розового шампанского: 2000 очков

Два авиабилета до Парижа: 5000 очков**

(сейчас в Вашей копилке 35 очков)

И помните, что во время данного специального предложения Вы получаете по два очка за каждые потраченные пять фунтов. С нетерпением ждем Вас в нашем магазине.

С уважением,
Адриан Смит,
менеджер по работе с клиентами.

* спецпредложение не действует при оплате в ресторанах, аптеках, газетных киосках и парикмахерских.

** с некоторыми ограничениями – смотрите прилагаемый буклет.

4

Родителей я застаю в разгаре спора. Папа, стоя на средней ступеньке стремянки, возится с водосточным желобом, а мама сидит за кованым садовым столиком и перелистывает каталог «Ретро». Когда я вхожу во двор, ни один из них даже не поворачивает головы.

– Я только имела в виду, что они должны подавать хороший пример! – говорит мама.

– И по-твоему, подвергать свою жизнь опасности – это хороший пример? Ты считаешь, что это решение проблемы?

– «Опасности»! – саркастически восклицает мама. – Грэхем, не смейся. Вот, значит, какого ты мнения о британском сообществе?

– Привет, мама, привет, папа, – говорю я.

– Бекки со мной согласна. Правда, дочка? – Мама тычет пальцем в каталог: – Прелестный кардиганчик. Посмотри, какая вышивка!

– Конечно, она не согласна! – возражает папа. – Глупее этого я ничего не слышал.

– Это не глупость! – возмущается мама. – Бекки, ты ведь согласна, что члены королевской семьи тоже должны пользоваться общественным транспортом?

– Ну... – очень осторожно начинаю я, – вообще-то не...

– Ты считаешь, что королева должна ездить на официальные встречи на 93-м автобусе? – насмешливо спрашивает папа.

– А почему бы и нет? Может, тогда бы и 93-й стал ходить чаще! – парирует мама.

– Ну, как дела? – спрашиваю я, усаживаясь рядом с мамой.

– Ты понимаешь, что страна на грани транспортного кризиса! – восклицает она, будто и не слышала моего вопроса. – Если люди не начнут пользоваться общественным транспортом, на дорогах скоро невозможно будет проехать из-за пробок.

Папа качает головой.

– И по-твоему, если заставить королеву ездить на 93-м автобусе, все проблемы решатся? Плевать на безопасность, плевать, что с такой скоростью она не будет никуда успевать...

– Я не имела в виду саму королеву, – идет на попятный мама. Следует пауза. – Но остальные ее родственники. Принцесса Кентская, например. Она могла бы изредка ездить на метро, разве не так? Этим богачам надо знать, что такое жизнь в реальном мире среди людей.

В последний раз моя мама ездила на метро году этак в 1983.

– Кофе сварить? – бодро предлагаю я.

– Если хочешь знать мое мнение, вся эта проблема с перегруженностью дорог высосана из пальца, – говорит папа. Он спрыгивает со стремянки и стряхивает грязь с рук. – Все это пропаганда.

– Пропаганда? – возмущенно вскрикивает мама.

– Так, – быстро встречаю я. – Пошла ставить чайник.

Я иду в дом, ставлю чайник и сажусь в кухне, на солнышке. Я уже забыла, о чем спорили мама с папой. В чем бы ни была причина разногласий, они будут ее перетирать еще раз сто и в конце концов сойдутся на том, что во всем виноват Тони Блэр. Ладно, у меня есть дела и поважнее – сейчас вот подумаю, сколько же дать Филипу, моему боссу, когда выиграю в лотерею. Ничего ему не дать нельзя, но ведь и наличными как-то неудобно... Наверное, лучше подарить что-нибудь. Хорошие запонки, например. Или такой плетеный сундучок для пикника с тарелками и прочими штуками. (Понятное дело, зануда Клэр Эдвардс от меня вообще ничего не получит.)

Сижу одна в залитой солнцем кухне, и мне кажется, что внутри меня спрятан маленький светящийся секрет. Я выиграю в лотерею. Сегодня вечером изменится моя жизнь. Жду

не дожусь. Десять миллионов фунтов. Подумать только, уже завтра я смогу себе купить все, что угодно. Что угодно!

Газета, которая лежит передо мной, открыта на странице продажи недвижимости, и я небрежно беру ее – глянуть, что там продается из дорогих особняков. Хм, где бы мне поселиться? В Челси? Ноттинг-Хилл? Мэйфер? «Белгравия, – читаю я. – Великолепный особняк с семью спальнями, флигелем для прислуги и роскошным садом». Да, неплохо. Особняк в Белгравии мне подходит. Довольная, я опускаю взгляд к строке с ценой и застываю от удивления и возмущения. Шесть с половиной миллионов фунтов! Ну и цены! Шесть с половиной миллионов!

Пошутили, что ли? У меня нет шести с половиной миллионов. У меня осталось всего миллиона четыре... или пять? Какая разница, все равно не хватает. Смотрю в газету с чувством обманутого вкладчика. Если человек выиграл в лотерею, у него должно хватить средств на все, что душе угодно, а я уже чувствую себя бедной и убогой.

Гневно отшвыриваю газету и берусь за рекламный буклет; на фотографии – шикарные белые пододеяльники по сто фунтов. Вот это по-нашему. Как выиграю в лотерею, буду пользоваться только крахмальными белыми пододеяльниками. Куплю себе белую кровать искусного чугунного литья, крашенные деревянные ставни и пушистый белый халат...

– Ну, что новенького в мире финансов? – прерывает мои мысли мамин голос, и я поднимаю глаза. Она врывается в кухню, все еще держа в руках свой каталог. – Ты кофе сварила? Поживее, дочка!

– Как раз собиралась, – отвечаю я, делая вид, что встаю со стула. Но, как я и думала, мама опережает меня. Она достает новую керамическую банку, зачерпывает ложку кофе и засыпает его в новый кофейник с позолотой.

Мама – страшная транжира, все время покупает новые вещи для кухни, а старые отдает в фонд помощи бедным. Новые чайники, тостеры... В этом году у нас уже было три новых ведра для мусора – темно-зеленое, потом хромированное, а теперь вот из желтого прозрачного пластика. Подумать только, какая напрасная трата денег.

– Милая юбочка! – восклицает мама, оглядывая меня так, словно впервые видит. – Откуда?

– «Донна Каран», – бормочу я в ответ.

– Славненькая. Дорогая?

– Нет, не очень, – отвечаю я без запинки. – Фунтов пятьдесят, кажется.

Это не совсем верно. На самом деле юбка стоила скорее сто пятьдесят, но маме об этом знать ни к чему – ее тут же инфаркт хватит. Точнее, не так. Сначала она скажет об этом папе, потом их обоих хватит инфаркт, и я останусь сиротой.

Поэтому я мыслю одновременно в двух измерениях – в измерении реальных цен и в измерении цен для мамы. Это совсем не трудно – как будто приходишь в магазин, где на все скидка 20 процентов, и ты в уме уменьшаешь все указанные цены на эти самые двадцать процентов. Немного практики, и все идет как по маслу.

Только я практикуюсь в системе скользящих ставок, как при подсчете подоходного налога. Мои скидки начинаются с 20 процентов (если вещь стоит 20 фунтов, я говорю, что всего 16) и поднимаются до... ну, до 90 процентов при необходимости. Однажды про сапоги за 200 фунтов я сказала маме, что купила их на распродаже за 20... Мама поверила.

– Квартиру ищешь? – спрашивает она, заглядывая через мое плечо на страницу недвижимости.

– Нет, – угрюмо отвечаю я, перелистывая брошюру. Мои родители вечно меня достают с покупкой квартиры. Они вообще знают, сколько стоят квартиры? Я, конечно, не имею в виду квартиру в Кройдоне.

– А вот Том купил симпатичный домик в Рейгейте⁶, – говорит она, кивая в сторону соседского дома. – Ездит на работу на электричке. – Это произносится с такой гордостью, как будто Том получил Нобелевскую премию.

– А я вот не могу себе позволить ни квартирку, ни домик.

«По крайней мере пока. До восьми вечера. Хи-хи-хи».

– Проблемы с деньгами? – спрашивает папа, входя на кухню. – Знаешь, в таком вопросе может быть два решения проблемы.

Только не это! Опять он за свое. Папа сел на своего любимого конька – афоризмы.

– Э или ЗБ, – говорит он, хитро прищурившись.

Потом выдерживает паузу для пушшего эффекта, а я переворачиваю страницу буклета, притворяясь, будто не слышу его.

– Экономь, – расшифровывает папа, – или Зарабатывай Больше. Или то, или другое. Ну так как, Бекки, какой вариант выбираешь?

– Оба, пожалуй, – весело отвечаю я и листаю дальше. Если честно, мне даже немного жаль папочку. Новость о том, что дочь вдруг стала миллионершей, повергнет его в шок.

После обеда мы с мамой отправляемся на ярмарку ремесел в соседнюю начальную школу. Я просто пошла с мамой за компанию, абсолютно не собираясь ничего покупать. Но буквально у самого входа вдруг натыкаюсь на целый ворох потрясающих открыток ручной работы всего по полтора фунта за штуку! И покупаю десять. Открытки ведь всегда нужны, правда? И еще вижу совершенно необыкновенное керамическое кашпо голубого цвета со слониками по каемке – я всегда говорила, что нам в квартире нужно завести больше цветов. Кашпо я тоже покупаю. Всего пятнадцать фунтов. На этих ремесленных ярмарках столько всего можно купить, и почти задаром. Идешь туда и думаешь, что ничего стоящего в таком месте не может быть, но непременно углядишь какую-нибудь очаровательную вещь.

Мама тоже очень довольна – нашла пару подсвечников для своей коллекции. Она коллекционирует подсвечники, подставки для тостов, керамические кувшины, фигурки животных из стекла, образцы вышивки и наперстки. (Хотя наперстки, думаю, нельзя считать полноценной коллекцией, потому что мама купила сразу весь набор, включая шкатулку для их хранения, выписав этот комплект по каталогу «Товары почтой». Но она в этом никогда и никому не признается. Вообще-то и мне не стоило говорить.)

Очень довольные собой, мы решаем выпить по чашке чая и по пути натыкаемся на один из тех скучных прилавков, к которым никто не подходит, разве что взглянет мельком на товар по доброте душевной. Бедняга продавец выглядит жалко, и я решаю остановиться посмотреть на его изделия. Понятно, почему народ обходит прилавки стороной – он продает деревянные миски странной формы и такие же деревянные ножи. Ну скажите, кому нужны деревянные ножи?

– Мило! – весело говорю я и беру в руки деревянную миску.

– Яблоня, ручной работы, – бормочет он. – На одну миску ушла неделя.

Мог бы эту неделю использовать с большим толком. Бесформенная, уродливая посуда какого-то неприятного бурого оттенка. Но когда я кладу миску обратно, лицо продавца выражает такую вселенскую скорбь, что я из жалости смотрю на ценник. Если стоит фунтов пять, так и быть, куплю это безобразие. Какие там пять! Восемьдесят фунтов! Украдкой показываю ценник маме, и у нее расширяются глаза.

– Эта модель демонстрировалась в прошлом выпуске «Эль Декор», – грустно сообщает владделец лавки и достает вырезку из журнала.

При этих словах я замираю. «Эль Декор»? Это что, шутка?

⁶ Кройдон – скромный южный пригород Лондона; Рейгейт – небольшой городок к югу от основных пригородов Лондона.

Нет, не шутка. Вот она, страница из журнала, полноцветная печать. На фото – пустая комната, только замшевый пуфик, низкий столик в центре и деревянная кривобокая посуда на столе. Смотрю и не верю своим глазам.

– Это та самая миска? – спрашиваю я, стараясь не выдать волнения в голосе. – Точно, она?

И когда он кивает в ответ, мои пальцы крепко обхватывают сокровище. Не может быть! Я держу в руках предмет, украсивший страницу журнала «Эль Декор»! Круто, да? Вдруг я ощущаю себя очень стильной женщиной с хорошим вкусом. Жаль, что на мне сейчас не белые льняные брюки и волосы не забраны в хвост, как у Ясмин Ле Бон⁷.

Вот что значит чутье. Разве я не сама выбрала эту миску, ой, простите, этот *предмет декора*? Разве качество этой вещи не бросилось мне в глаза? Уже представляю, как мы переделаем нашу гостиную в духе этой миски – все в бледных тонах, этакий минимализм. Восемьдесят фунтов. Да это не деньги, когда речь идет об образце бессмертного стиля!

– Беру, – уверенно заявляю я, доставая из сумки чековую книжку.

Напоминаю себе, что дешевизна – это иллюзия экономии. Гораздо правильнее потратить немного больше и купить вещь, которая будет служить вечно. А эта миска, несомненно, настоящая находка. Сюзи будет в восторге.

Когда мы возвращаемся, мама сразу проходит в дом, а я задерживаюсь на улице – перекладываю покупки из ее машины в свою.

– Бекки! Вот так сюрприз!

О нет. Это Мартин Вебстер, наш сосед, – выглядывает через забор, с граблями в руке и широченной приветливой улыбкой на лице. Не могу объяснить, почему это происходит, но в присутствии Мартина я все время чувствую себя виноватой.

Ну ладно, могу объяснить. Потому что он всю жизнь надеялся, что я вырасту и выйду замуж за его сына, Тома. А я не вышла. История наших отношений с Томом такова: однажды он пригласил меня на свидание, нам обоим тогда было лет по шестнадцать, а я отказалась, потому что встречалась с Адамом Муром, на том все и закончилось, и слава богу. Откровенно говоря, я бы лучше вышла замуж за самого Мартина, чем за его сыночка.

(Вы не подумайте, что я страсть как хочу замуж за Мартина. Или что я вообще предпочитаю иметь дело с мужчинами старше меня. Это просто к слову. К тому же Мартин уже давно и счастливо женат.)

– Здравствуйте! – нарочито радостно кричу я. – Как поживаете?

– О, у нас все замечательно, – отвечает Мартин. – Ты слышала, что Том купил себе дом?

– Да, в Рейгейте. Потрясающая новость!

– У него там две спальни, душевая, гостиная и открытая кухня, – перечисляет он. – И в кухне дубовый гарнитур.

Я прихожу в полный восторг:

– Вот это да! Роскошно!

– Том очень гордится своим домом. Дженис! – вопит Мартин. – Посмотри-ка, кто приехал!

Через секунду за забором возникает Дженис в переднике с цветочками.

– Бекки! – восклицает она. – Как ты редко теперь тут бываешь! Уж и не помню, когда в последний раз тебя видела.

Черт, теперь я еще чувствую себя виноватой, потому что редко навещаю родителей.

– Ну, – улыбаюсь я, – знаете, как это бывает, – дела, работа, ни на что времени не хватает.

⁷ Ясмин Ле Бон (р. 1964) – британская топ-модель.

– Конечно, конечно. – Дженис кивает с видом глубокого уважения и понимания. – Работа.

Почему-то Дженис и Мартин решили для себя, будто я – необыкновенно умный и влиятельный финансовый деятель. Я пыталась объяснить им, что это не так, но чем больше отрицала свою гениальность, тем сильнее они убеждались, что я – финансовый супермозг. Замкнутый круг получается. И вот теперь они думают, что я – финансовый супермозг, только очень скромный.

Да, в сущности, какая разница? Строить из себя воротилу финансового рынка даже приятно.

– Понимаете, у нас в последнее время было особенно много дел. Все из-за слияния SBG и «Рутланд Банк».

Дженис благоговейно внимает, но меня перебивает Мартин:

– Кстати, Бекки, подожди секундочку. Сейчас вернусь.

Не успеваю я и глазом моргнуть, как он исчезает.

Я неловко смотрю на сияющую Дженис и зачем-то говорю, не найдя лучшей темы для беседы:

– Так, значит, у Тома на кухне дубовый гарнитур.

Честное слово, больше ничего не смогла придумать. Улыбаюсь Дженис и жду ее ответа. Но она в ответ тоже лишь радостно мне улыбается. И тут я понимаю, что допустила огромную ошибку. Ни в коем случае не стоило заикаться об этом новом доме, который купил Том. И уж тем более упоминать дубовый гарнитур. Теперь Дженис станет думать, что я тоже очень хочу занять дубовый гарнитур... Теперь она решит, что я внезапно заинтересовалась Томом, раз уж у него появился свой дом...

– Да, дуб и средиземноморский кафель, – гордо сообщает она. – Можно было выбрать каменную плитку или средиземноморский кафель, и Том выбрал средиземноморский кафель.

Меня так и подмывает сказать, что я бы выбрала каменную плитку, но это было бы грубо, и потому я одобряю кафель:

– Мило! – И неизвестно для чего добавляю: – Да еще две спальни!

И что я прилипла к этому чертову новому дому?!

– Он с самого начала хотел две спальни, – делится Дженис. – Ведь никогда не знаешь, как дальше все повернется, правда? – В ее улыбке сквозит неприкрытое лукавство, и я, как последняя дура, краснею. Этого только не хватало! Теперь она вообразит, что я неравнодушна к Тому. Наверняка уже представляет нас вдвоем в этом треклятом доме, за ужином в кухне с дубовым гарнитуром.

Надо что-то сказать. Надо сказать: «Дженис, мне не нравится Том. Он дылда, и у него изо рта воняет». Но у кого язык повернется? И вместо этого я говорю:

– Что ж, передайте ему от меня горячий привет.

– Обязательно, – отвечает Дженис и замолкает. – А у него есть твой лондонский телефон?

Черт!

– Думаю, да, – вру я, радостно скалясь. – И потом, он всегда может найти меня здесь, если захочет.

Вот теперь все, что я ни скажу, прозвучит так, будто я вкладываю в свои слова *двойной смысл*. Представляю, как наш разговор будет передан Тому. «Она *все время* спрашивала про твой новый дом. И просила тебя позвонить!»

Жизнь стала бы намного проще, если бы все разговоры можно было перематывать и стирать, как на кассете. Или хотя бы просить людей не принимать во внимание сказанное, как в суде: «Прошу изъять из протокола все упоминания о новых домах и дубовых гарнитурах».

К счастью, в этот момент возвращается Мартин, размахивая листом бумаги.

– Бекки, взгляни-ка на это, – просит он. – Мы уже пятнадцать лет держим свои средства во «Флагстафф Лайф». А сейчас подумываем, не перевести ли деньги в их новый дочерний фонд. Что скажешь?

Понятия не имею, что сказать. О чем он вообще? Это что, какой-то сберегательный счет? Пробегаю взглядом по бумажке, как мне кажется, с видом знатока, несколько раз важно киваю и уклончиво произношу:

– Да... Пожалуй, неплохая мысль.

– Компания прислала нам письмо, предложив более высокие проценты на пенсионном вкладе, – говорит Мартин. – И гарантированные выплаты тоже предусмотрены.

– И еще они вышлют нам швейцарские настольные часы, – вставляет Дженис.

– Хм. – Сдвигаю брови и с умным видом внимательно изучаю заголовок письма.

«Флагстафф Лайф». Что-то знакомое. Недавно о них слышала... Кто такие «Флагстафф Лайф»? Ах да, ну как же – они устраивали вечеринку с шампанским в клубе «Сохо Сохо». Элли там напилась и призналась в любви Дэвиду Салисбери из «Таймс». Отличная была вечеринка, помнится.

– Ты хорошего о них мнения? – спрашивает Мартин.

– Конечно. В профессиональных кругах они пользуются уважением.

– Тогда, – довольно заключает Мартин, – мы примем их предложение перейти на счет с более высокими процентами.

– Думаю, чем выше процент, тем лучше. – Вряд ли с этим поспоришь. – Но это лишь одна из возможных точек зрения.

– Что ж, – Мартин мельком взглядывает на жену, – если Бекки считает, что это стоящее предложение...

– Я бы не стала придавать своим словам такое значение! – быстро открепщаюсь я.

– Посмотри на нее! – довольно хихикает Мартин. – Какая скромность для финансового эксперта.

– Знаешь, Том иногда покупает твой журнал, – уведомляет меня Дженис. – Не потому, что у него сейчас появилось много денег, – с ссудой на дом и прочими расходами... Но он считает, что ты пишешь очень хорошие статьи! И еще он считает, что...

– Очень приятно, – перебиваю я. – Знаете, мне пора. Рада была с вами повидаться. Передавайте привет Тому!

Я так быстро кидаюсь к дому, что ударяюсь коленкой об косяк. Мне немного стыдно, что не попрощалась толком. Но честное слово! Еще одно слово о Томе и его новой кухне – и мне бы стало плохо.

Однако, усевшись перед телевизором в ожидании розыгрыша лотереи, я начисто забываю о наших соседях. Мы славно поужинали – курица по-провансальски из магазина «Маркс и Спенсер» и бутылка «Пино», которую я привезла с собой. Почему я точно знаю, где куплена курица по-провансальски? Потому что сама не раз покупала точно такую в этом магазине и узнала ее в лицо – те же ножки, те же сушеные помидоры и оливки. Мама, конечно, клянется, что готовила ее собственными руками по своему собственному фирменному рецепту. Ну-ну.

Вообще не понимаю, чего ради она врет? Кому какое дело? Ведь кроме меня и папы никто не узнает. И потом, на кухне перед приготовлением ужина нет сырых продуктов, зато полно картонных коробок, пластиковых упаковок и в результате – готовой еды. А в промежутке между этим – ничего. Казалось бы, все совершенно очевидно. Но мама никогда не признается, что купила готовый продукт, даже если мы едим пирог в форме из фольги. Папа съедает очередной кусок пирога с пластмассово-безвкусными грибами и крахмальным соусом

и с совершенно серьезным лицом говорит: «Спасибо, дорогая, все было очень вкусно». А мама улыбается, ужасно довольная собой.

Но сегодня у нас не пирог в фольге – сегодня курица по-провансальски. (Честно говоря, она и вправду похожа на курицу домашнего приготовления. Вот только вряд ли кто-то стал бы сам резать болгарский перец на такие мелкие кусочки – нашлись бы дела поважнее.) В общем, поели мы курицы, выпили винца, в духовке доходит яблочный полуфабрикатный пирог, и тут я предлагаю всем пойти посмотреть телевизор. Как бы между делом. Потому что по часам вижу – розыгрыш уже начался. Несколько минут, и оно случится! Не могу дождаться!

К счастью, мои родители не из тех, кто после ужина любит посудачить о политике или литературе. Мы уже обсудили все семейные новости, я рассказала им о своей работе, они мне – о своем отпуске на Корсике, так что говорить уже и не о чем. Пора прибегнуть к помощи говорящего ящика.

Поэтому мы все перемещаемся в гостиную, папа зажигает газ в камине и включает телевизор. Вот он – розыгрыш лотереи. В студии все сияет, а Дэйл Уинтон перешучивается с Тиффани из «Жителей Ист-Энда»⁸, на их перепалку аудитория реагирует радостными возгласами. Мое напряжение растет, сердце стучит все чаще. Через несколько минут выпадут шары и я – миллионерша.

Откидываюсь на спинку дивана и обдумываю, что бы такое сделать, когда выиграю. В тот самый миг, когда выпадет моя выигрышная комбинация. Завизжать? Промолчать? Может, стоит сохранить все в тайне первые сутки? Или вообще никому не говорить?

Эта мысль мне нравится! Стать победителем и получить деньги без всей этой суеты и шумихи. А если люди будут спрашивать, как я могу себе позволить столько вещей от модных дизайнеров, стану отвечать, что подрабатываю как внештатный журналист. Да! И изменить жизнь своих друзей лучше инкогнито, как добрый ангел-хранитель. Никто никогда не узнает правды. Отлично!

Я мысленно рисовала себе дом, который смогу себе позволить, не навлекая ничьих подозрений, но тут в мечты ворвался голос из телевизора:

– Вопрос третьему номеру. Что?

– Мое любимое животное – фламинго, потому что оно розовое, пушистое и у него длинные ноги. – Девушка, сидящая на высоком стуле, расплетает *свои* длинные гладкие ноги, и публика взрывается от восторга.

Таращусь на нее в полном недоумении. Что происходит? Мы смотрим «Любовь с первого взгляда»?

– Раньше эта передача была довольно интересной, а теперь скучища, – говорит мама.

– Эта дребедень? Интересной? – удивленно восклицает папа.

– Папа, а можно переключить обратно на...

– Я же сказала, что сейчас тоска смертная...

– Папа! – взываю я, пытаюсь не выдать паники. – Можно переключить обратно на Би-би-си-1?

С экрана исчезает девушка-фламинго, и я облегченно вздыхаю. Но в следующую секунду пространство голубого экрана заполняет собой солидный мужчина в костюме.

– Полиция упустила из внимания, – говорит он в нос, – что свидетели были недостаточно...

– Пап!

– Где телепрограмма? – раздраженно спрашивает он. – Неужели ничего получше нет?

– Есть лотерея! – почти кричу я. – Я хочу смотреть лотерею!

⁸ Самый популярный английский телесериал.

– Почему тебя интересует лотерея? Ты купила билет?

Я замолкаю. Если я решила стать анонимным победителем, то никому не могу сказать, что купила билет. Даже родителям.

– Нет! – смеюсь я. – Просто там будет Мартина Маккатчен⁹.

К моему великому облегчению, мы переключились на лотерею, и вот в студии поет Тиффани. Я расслабляюсь и украдкой кошусь на часы.

Конечно, я понимаю, что мои шансы на выигрыш не зависят от того, буду ли я следить за розыгрышем, но кто же пропустит момент своего триумфа! Это смешно, но мне кажется, что если я буду смотреть, то силой ума смогу повлиять на то, как выпадут шары. Я стану из всех сил сверлить их взглядом, пока они крутятся в барабане, подталкивать мои номера к дырочке. Это все равно что болеть за свою команду. Команду 1 6 9 16 23 44.

Правда, номера никогда не выпадают по порядку.

Команда 44 1 23 6 9 16. Или команда 23 6 1...

Вдруг раздаются аплодисменты, и песня смолкает. О боже. Сейчас это произойдет. Сейчас изменится вся моя жизнь.

– Лотерея превратилась в сплошное стремление к наживе, правда? – говорит мама. – Просто безобразие.

– Как это *превратилась* в стремление к наживе? – пререкается папа.

– Раньше люди играли в лотерею, потому что хотели поддержать благотворительные организации.

– Вздор! Никому никогда до благотворительности не было дела. Все думают только о себе! – Папа тычет пультом в направлении телевизора, и экран гаснет.

– Папа! – взываю я.

– Значит, по-твоему, до благотворительности никому нет дела? – кидает мама в тишину.

– Я не это сказал.

– Папа, включи телевизор! – визжу я. – Включи!

Еще секунда – и я полезла бы с ним драться из-за пульта, но он сам включил Первую программу.

Смотрю на экран и не могу поверить своим глазам – один шар уже выпал. Номер 44. Мой номер.

– ...Последний раз выпал три недели назад. И второй шар... номер 1.

Я не в силах пошевелиться. Вот оно – чудо свершается прямо на моих глазах. Я выигрываю в лотерею!

И в этот удивительный момент я остаюсь на редкость спокойна. Как будто никогда не сомневалась, что это произойдет. Сажу на диване, и мне кажется, что в голове крутится документальное кино, а за кадром голос говорит: «В глубине души Бекки Блумвуд всегда знала, что однажды она выиграет в лотерею. Но в тот день, когда это случилось, даже она сама не могла представить...»

– Еще один простой номер – 3.

Что? Как это? Не может быть, это ошибка. Наверное, сказали «23».

– И номер 2, который выпадал на прошлой неделе.

Мне дурно, меня знобит. Что происходит вообще? Что это за номера?

– И снова первая десятка – номер 4! Популярный номер, в этом году он уже выпадал двенадцать раз. И наконец, номер 5! Вот это да! Так, выставим по порядку...

Нет, какая-то ерунда. Вообразить невозможно, чтобы выпала комбинация 1, 2, 3, 4, 5, 44. Это не комбинация, это... это дурацкая шутка просто.

А ведь я выигрывала. *Выигрывала!*

⁹ Актриса, играющая роль Тиффани в сериале «Жители Ист-Энда».

– Посмотри! Это же невероятно – 1, 2, 3, 4, 5, 44! – говорит мама.

– Отчего же невероятно? – спрашивает папа. – Ничуть не менее вероятно, чем любая другая комбинация.

– Не может быть!

– Джейн, ты вообще слышала когда-нибудь о теории вероятностей?

Я тихо встаю и выхожу из комнаты, а из телевизора вслед мне орет музыкальная заставка национальной лотереи. Иду на кухню, сажусь за стол, склоняю голову и обхватываю ее руками. Мне не по себе. Я была *совершенно* уверена, что выиграю. Я жила в большом доме, и собиралась в отпуск на Барбадос со всеми своими друзьями, и покупала в «Агнес Би» все-все, что только пожелаю. Все было так реально.

А вот теперь я сижу на кухне в доме своих родителей, и у меня нет денег на отпуск, и я только что потратила восемьдесят фунтов на миску, которая мне даже и не нравится.

Униженная, я ставлю чайник и беру женский журнал. Пролистываю его, но легче не становится. Может, прав папа, горестно думаю я. Может, нужно меньше тратить. Допустим... допустим, я смогу сэкономить 60 фунтов в неделю. И через сто недель у меня будет 6000 фунтов.

Ого! Шесть тысяч фунтов. Неплохо вообще-то. И если разобраться, сэкономить 60 фунтов в неделю совсем не сложно. Это ведь всего два раза в ресторан не сходить. Такая мелочь.

Отлично! Так и сделаю. Шестьдесят фунтов в неделю, каждую неделю. Надо откладывать их на отдельный счет. Вот здорово-то! Я буду полностью контролировать свои финансы, а когда расплачусь с долгами, продолжу копить и в конце года буду вкладывать сэкономленные деньги в глобальные приобретения, например в костюм от Армани. Или от Кристиана Диора. В общем, во что-нибудь шикарное.

С понедельника начну новую жизнь, воодушевленно думаю я, доставая какао и чашку. Да я *вообще* перестану тратить деньги. Я их буду копить и богатеть. Решено!

**Универмаг Бромптон
КЛИЕНТСКИЙ ОТДЕЛ
Бромптон-стрит, 1
Лондон**

Ребекке Блумвуд
Берни-роуд, д. 4, кв. 2
Лондон

6 марта 2000 года.

Уважаемая миз Блумвуд,
Благодарим Вас за присланный нам чек на сумму 43 фунта.

К сожалению, Ваш чек не подписан. Не сомневаемся, что Вы просто забыли это сделать. Поэтому возвращаем Вам чек с просьбой подписать его и снова переслать нам.

Вам, без сомнения, известно, что Ваша оплата поступила на восемь дней позже срока.

Ждем поступления Вашего подписанного чека.

С уважением,
Джон Хантер,
менеджер клиентского отдела.

5

Экономность и аскетизм. Вот теперь мой девиз. Новая жизнь, без суеты, в стиле дзен. И в этой новой жизни я ничего не буду покупать. Ни-че-го. Ведь если задуматься, сколько денег мы тратим напрасно каждый день? Это расточительство завело меня в долги. И ведь я не виновата. Я просто стала жертвой западного материализма – чтобы противостоять ему, нужна недюжинная сила. По крайней мере, так написано в той замечательной книге.

Понимаете, когда вчера мы с мамой ездили в книжный магазин – подыскать ей дешевенький роман на эту неделю, – я украдкой слиняла в секцию полезных советов и купила себе отличную книгу. Честное слово, ничего лучше этой книги мне еще не доводилось читать, и я уверена, что она изменит мою жизнь. Она сейчас у меня с собой – в сумке. Называется «Как контролировать свои деньги». Автор Дэвид Бартон. Там написано, что мы сами не замечаем, как растрачиваем деньги по мелочам, и что любой человек может за неделю вдвое сократить свои расходы.

За неделю!

Нужно всего лишь самому готовить бутерброды на обед, а не ходить обедать в кафе, и ездить на работу на велосипеде, а не на метро. Ну и все такое. Ведь если подумать, экономить можно на всем. И, как говорит Дэвид Бартон, мы настолько заняты тратой денег, что не осознаем, сколько вокруг совершенно бесплатных удовольствий и развлечений, – например, прогулка в парке, поход в музей или пикник на лоне природы.

Все так просто. Но самое главное, начинать экономию следует с походов по магазинам! Он пишет, что надо пойти в магазин, купить все как обычно, а потом дома записать все расходы. Условие одно – не жульничать, не менять своих привычек во время этой контрольной закупки. И это хорошо, потому что в четверг у Сьюзи день рождения, и мне надо купить ей подарок.

Итак, в понедельник утром, по дороге на работу, я захожу в кофейню «Лючио» и заказываю самую большую порцию капучино и шоколадный кекс, как обычно. Откровенно говоря, расплачиваясь в кофейне, я чувствую некую скорбь, ведь это моя последняя чашка капучино и последний шоколадный кекс. Завтра начинается новая жизнь без излишеств, и в ней нет места капучино. Дэвид Бартон пишет, что если вы любите кофе, то должны его заваривать дома и носить на работу в термосе. А если любите кексы, то надо покупать недорогие и большими упаковками в супермаркете и тоже носить с собой на работу из дома. «В кофейне вас надувают, вытягивая бешеные деньги за чуть подкрашенный кипяток в пластиковом стаканчике». Наверное, он прав. И все же мне будет недоставать этой чашки капучино по утрам. Но я дала себе слово следовать советам этой книги, значит, так тому и быть.

Выходя из кофейни со стаканчиком кофе в руках, я вспоминаю, что термоса у меня нет, то есть мне не в чем носить кофе на работу. Ничего страшного, куплю. В магазине «Аббат» есть премиальные термосы с хромовым покрытием. Термосы сейчас, кажется, в моде. Может быть, даже есть термосы от известных марок. Вот было бы классно. Прихожу на работу и пью кофе из термоса от Алесси. Это даже круче, чем покупать капучино в кофейне.

И я иду дальше в прекрасном расположении духа. По дороге заглядываю в книжный магазин и покупаю несколько журналов сразу, чтобы потом было что читать, а также стильный серебристый блокнотик и ручку – записывать свои покупки. Надо очень тщательно все записывать – Дэвид Бартон говорит, что, даже записывая потраченные деньги, мы уже настраиваем себя на экономию. Поэтому, едва усевшись на свое рабочее место, я начинаю записывать:

капучино: £ 1,50

кекс: £ 1

блокнот: £ 3,99

ручка: £ 1,20

журналы: £ 6,40

Итого получается... 14,09.

Ничего себе! Признаться, немало, если учесть, что еще только 9.40 утра.

Но блокнот с ручкой не считаются. Наверное. Это ведь необходимые средства учета. Как, скажите, вести учет расходам, не имея ни ручки, ни блокнота? Поэтому я вычеркиваю оба пункта из списка. И теперь выходит... 8,90 фунта. Так уже лучше.

Ладно, я уже как-никак на работе и, вероятно, смогу удержаться от дальнейших трат до конца дня.

Однако оказалось, что совсем ничего не тратить абсолютно невозможно. Во-первых, опять сотрудник из бухгалтерии увольняется, и приходится скидываться ему на подарок. Потом наступает обеденный перерыв – надо что-то поесть. Иду и покупаю самый дешевый сэндвич в «Бутс» – с яйцом и кресс-салатом, хотя, честно говоря, терпеть не могу кресс-салат.

Дэвид Бартон учит, что когда очень стараешься сдерживать себя, особенно в первые, самые тяжелые дни, нужно себя немножечко побаловать. Поэтому я балую себя бутылочкой масла для ванны с натуральной вытяжкой кокоса. А еще замечая, что при покупке увлажняющего крема (как раз той марки, которой я пользуюсь) магазин дает двойные бонусные очки.

Обожаю бонусные очки. Правда ведь, замечательное изобретение? Если потратить достаточно средств на покупки в одном месте, можно получить хороший приз, например оплаченный день в салоне красоты. Накануне прошлого Рождества я схитрила – копила свои бонусные очки, пока их не оказалось достаточно для покупки подарка для моей бабушки. У меня уже накопилось к тому времени 1653 очка, а нужно было 1800, чтобы получить бесплатный подарок – набор термобигуди. Поэтому я купила себе большой флакон духов «Самсара», получила еще 150 очков на карточку, и мне дали набор термобигуди совершенно бесплатно! Вот только я не слишком люблю духи «Самсара». Но поняла это, уже когда пришла домой. Ну и что.

Самый хитрый способ использовать бонусные очки – не упустить возможность, когда она появляется. Иначе второй раз такого предложения может и не быть. Поэтому я беру с полки три баночки увлажняющего крема. Двойные бонусы! Да это же дармовые деньги, так ведь?

А потом мне нужно выбрать подарок для Сьюзи. Я уже купила ей набор ароматических масел, но позавчера увидела в «Бенеттоне» шикарную розовую кофточку из ангоры, и я знаю, что Сью она понравится. А набор масел можно отнести обратно в магазин или подарить кому-нибудь на Рождество.

Захожу в «Бенеттон», выбираю розовую кофточку и уже направляюсь к кассе и собираюсь заплатить, но тут вижу, что такие же точно кофточки есть и серого цвета. Идеальный сизо-серый оттенок, мягчайшая ангора и перламутровые пуговички.

Боже мой! Понимаете, я уже давно искала себе хорошую серую кофточку. Честное слово. Спросите кого угодно – хоть Сьюзи, хоть мою маму. И потом, я ведь еще не начала новую жизнь без излишеств, я только подсчитываю все свои расходы, так? Так.

Дэвид Бартон пишет, что я должна вести себя естественно. Так что я *должна* повиноваться своим естественным порывам и купить кофточку. Потому что в обратном случае это будет жульничеством по отношению к самой себе. А в моей новой жизни нет места лжи.

И стоит-то она всего сорок пять фунтов. И заплатить можно кредиткой.

Если брать это событие в общем масштабе, то что такое сорок пять фунтов? Пшик, мелочь.

И я ее покупаю. Самую красивую кофточку на свете. Люди будут говорить обо мне: «Та девушка в серой кофточке». Я смогу носить ее все время. Да, это достойное вложение капитала.

После обеда я должна пойти в фотобиблиотеку, чтобы выбрать снимок для обложки следующего номера нашего журнала. Это моя самая любимая обязанность, не понимаю, почему Филип все время старается скинуть ее кому-нибудь другому. Ведь фактически тебе дается шанс весь день сидеть в библиотеке, попивая кофе и просматривая кучи диапозитивов.

Конечно, у нас не такой бюджет, чтобы позволить себе собственные съемки для обложки. Когда я только начала учиться на журналиста, я думала, что смогу ходить на фотосессии, выбирать фотомоделей и вообще вертеться в этой гламурной тусовке. Но у нас даже нет своего фотографа. Все издания нашего уровня пользуются услугами фотобиблиотек, так что одни и те же снимки появляются в разных журналах.

В прошлом году фотография рычащего тигра как минимум три раза была на разных обложках. Ну и что, читатели-то не возмущаются. Они ведь финансовые журналы покупают не для того, чтобы рассматривать Кейт Мосс.

К счастью, редактор Элли тоже не любит выбирать картинки для обложки (они пользуются услугами той же библиотеки). Поэтому мы с Элли стараемся назначить поход за фотографиями на один день, чтобы всласть поболтать за работой. Мало того, библиотека находится на Ноттинг-Хилл-Гейт, и потому можно вполне официально прибавить пару часов на дорогу туда и обратно. В офис в такие дни я никогда не возвращаюсь, так что это – самый лучший способ скоротать рабочее время. (Естественно, если бы речь шла о нерабочем дне, например о субботе, мое отношение к этой обязанности было бы совсем другим.)

Я прибываю в библиотеку раньше Элли. Подхожу к администраторше и вполголоса говорю: «Бекки Блумвуд, „Удачные сбережения“». Как жаль, я не, могу сказать: «Бекки Блумвуд, „Вог“, или Бекки Блумвуд, „Уолл-стрит джорнал“». Потом усаживаюсь в мягкое черное кожаное кресло и просматриваю каталог фотографий счастливых семей. Вскоре за мной приходит стильный молодой человек, один из здешних служащих, и отводит к моему освещенному рабочему месту.

– Меня зовут Пол, – сообщает он. – Сегодня я в вашем распоряжении. Вы уже знаете, что ищете?

– Так... – отвечаю я, с важным видом вытаскивая записную книжку.

Вчера у нас было совещание по поводу заголовка для номера, и сошлись на «Регулирование активов: как достичь баланса». Пока вы не успели заснуть от скуки, хочу заметить, что в прошлом номере тема была еще увлекательней – «Депозитные счета: проверим».

Ну вот почему бы нам хоть раз не проверить, например, средства для автозагара? Да что там говорить.

– Мне нужны фотографии весов, – читаю я из списка, – или каната, или велосипеда с одним колесом...

– Иллюстрации к слову «баланс», – догадывается Пол. – Минуточку. Не хотите ли пока кофе?

– Да, спасибо, – улыбаюсь я и расслабленно откидываюсь на спинку кресла.

Тут так хорошо. И мне платят за то, что я сижу в этом удобном кресле и ничего не делаю.

Вскоре появляется Элли в сопровождении Пола, и я удивленно ее оглядываю. Она смотрится как настоящая бизнес-леди – в темно-лиловом костюме и на каблуках.

– Значит, вам нужны пловцы, лодки и виды Европы? – уточняет Пол.

– Да, – отвечает Элли и приземляется в соседнее кресло.

– Наверное, что-то о плавающем курсе валют? – спрашиваю я.

– Почти угадала. – И добавляет трагическим голосом: – «Выплывет ли Европа?»

Мы с Полом смеемся. Когда он уходит, я еще раз оглядываю Элли с ног до головы.

– С чего это ты сегодня такая деловая?

– Я всегда так выгляжу, – парирует она. – Разве ты не замечала?

К нам уже направляется Пол с тележкой, груженной кипами диапозитивов. Элли кивает на тележку:

– Это тебе или мне?

Так, она явно избегает ответа. С чего бы это?

– У тебя что, собеседование сегодня? – озаряет вдруг меня.

Элли краснеет и вытягивает один диапозитив из стопки.

– Ого, цирк. Жонглеры. Это тебе?

– Элли! У тебя собеседование? Ну говори же!

Она молчит, смотрит вниз. Потом поднимает взгляд.

– Да, – говорит она и прикусывает губу. – Только...

– Это же здорово! – восклицаю я, и пара девушек, мирно сидящих в углу, оглядываются на нас. – Где? – спрашиваю я тихо. – Неужели в «Космополитен»?

Нашу беседу прерывает появление Пола, который принес Элли кофе.

– Пловцы уже гребут, – улыбается он и исчезает.

– Где? – повторяю я.

Элли подает резюме на такое количество вакансий, что я уже и не слежу за их чередой.

– В «Уэзерби», – отвечает она и краснеет еще гуще.

– «Уэзерби Инвестментс»?

Она утвердительно кивает, а я морщу лоб, сбитая с толку. При чем тут «Уэзерби Инвестментс»?

– А у них разве есть свой журнал?

– Я не на журналиста подаю, – тихо говорит она. – Я подала резюме на должность управляющего фондом.

– *Что?* – Я в ужасе.

Мне, конечно, известно, что подруги должны поддерживать друг друга, и все такое. Но, пардон, *управляющий фондом?*

– Скорее всего, у меня нет шансов, – вздыхает она и смотрит в сторону. – Я так, из любопытства.

– Но...

Но сказать я ничего не могу. Как Элли вообще пришла в голову мысль стать управляющей фондом? Управляющих фондами и в природе не существует, это картонные персонажи, над которыми мы потешаемся всей журналистской братией.

– Просто решила попробовать, – оправдывается она. – Мне хотелось доказать Кэрол, что я способна на большее. Понимаешь?

– А-а... то есть это как бы способ добиться повышения? – догадываюсь я.

– Ну да. Да, способ добиться повышения. Но, кажется, она и сама не очень в это верит.

И весь день потом была молчалива, что совсем на нее не похоже. Что с ней случилось? По дороге из библиотеки я только об этом и думаю. Спускаюсь к Хай-стрит-Кенсингтон, перехожу дорогу и в замешательстве останавливаюсь перед магазином «Маркс и Спенсер».

Метро – направо от меня. А магазины – налево.

Я должна игнорировать магазины. Должна привыкать к аскетизму, то есть никуда не сворачивая направиться домой и составить список расходов. Если мне хочется развлечься, то

следует посмотреть отличную передачу по бесплатному телевидению и сварить себе питательный и недорогой суп.

Но сегодня по телевизору ничего хорошего нет, по крайней мере до сериала «Жители Ист-Энда». И супа мне не хочется. Мне хочется взбодриться. И кстати, завтра все это уже будет мне недоступно. Это как день накануне Великого поста. Это как Масленица. И нужно как следует расслабиться перед постом, впереди моя шопинговая страстная неделя.

В волнении я спешу к торговому центру. Даю слово держать себя в руках. Куплю какую-нибудь мелочь для поднятия духа, и все. Кофточку я себе уже купила, так что одежду не смотрю... и босоножки на каблуке приобрела позавчера, так что... Хотя в «Хоббс» есть туфли совсем как в новой коллекции «Прада»... Хм, даже и не знаю.

Я захожу в косметический отдел торгового центра и вдруг понимаю: мне нужна косметика! Новая тушь и, может быть, помада. Обрадованная, я брожу по ярко освещенному залу, вдыхаю пьянящую смесь ароматов духов, нюхаю пробники и пробую цвет помады на запястье.

Да, помада должна быть очень бледная. Почти телесно-бежевого или нежно-розового оттенка, и подводка для губ в тон...

У стеллажа «Кларинс» мое внимание привлекает большая вывеска:

Купив два средства по уходу за лицом, вы получите в подарок БЕСПЛАТНУЮ косметичку с пробниками средства для умывания, тоника и увлажняющего крема, а также помаду «Пожар осени», устойчивую тушь для ресниц и пробный флакон туалетной воды «Eau Dynamisante». Торопитесь! Количество подарков ограничено!

Вот это да! Знаете, сколько обычно стоит помада от «Кларинс»? А тут ее бесплатно раздают! Взволнованно перебираю все предложенные средства по уходу за кожей, думаю, какие же два из них выбрать. Может, крем для шеи и декольте? Я раньше не пробовала им пользоваться. И омолаживающую увлажняющую маску. И тогда мне дадут бесплатно помаду, это же беспроигрышная лотерея!

– Здравствуйте, – обращаюсь я к женщине в белой униформе. – Мне, пожалуйста, крем для шеи, увлажняющую омолаживающую маску и косметичку, – добавляю я, вдруг испугавшись, что косметички уже кончились.

А вот и не кончились! Слава богу. Пока снимаются деньги с кредитки, продавец выдает мне блестящую красную косметичку (правда, она оказалась немного меньше, чем я думала), и я восторженно открываю ее. Она тут – моя бесплатная помада!

Цвет красно-коричневый. Станный цвет. Но если смешать его с другими помадами и сверху добавить немного блеска, будет отлично.

Домой я прихожу абсолютно вымотанная. Открываю дверь квартиры, и Сьюз бежит ко мне, словно игривый щенок.

– Что купила? – кричит она.

– Не подглядывать! Не смотреть! Это тебе подарок.

– Мне подарок! – Сьюзи очень восторженно относится к дням рождения. Я, честно говоря, тоже.

Спешу в свою комнату и прячу сумочку от «Бенеттон» в шкаф. Потом достаю остальные покупки, новый блокнотик и начинаю записывать расходы. Дэвид Бартон советует записывать сразу же, как только вернешься домой, пока еще не забыла, что купила.

– Выпить хочешь? – кричит Сьюз.

– Да, спасибо, – кричу я в ответ, аккуратно внося в блокнот покупки.

Через минуту Сьюз входит с бокалом вина.

– Сейчас начнутся «Жители Ист-Энда».

– Да-да, уже иду, – рассеянно отвечаю я и продолжаю писать.

Я в точности выполняю все рекомендации – выложив чеки за покупки, заношу их в расходы, и очень довольна собой. Как говорит Дэвид Бартон, приложив немного старания, каждый может взять свои траты под контроль.

Что-то я сегодня купила слишком много увлажняющих средств, да? Откровенно говоря, закупаю «Кларинс», я и забыла о тех трех упаковках увлажняющего крема, что купила в «Бутс». Ну ничего, хороших увлажняющих средств не бывает слишком много – это жизненно необходимая вещь, как хлеб или молоко, а Дэвид Бартон учит, что на таких вещах экономить нельзя. А в остальном не так уж плохо. Конечно, я еще не все записала, но...

Так, вот мой список:

капуччино: £ 1,50
кекс: £ 1,00
блокнот: £ 3,99
ручка. – £ 1,20
журналы: £ 6,40
сэндвич с яйцом и кресс-салатом: £ 0,99
кокосовое масло для ванн: £ 2,55
увлажняющий крем из «Бутс»: £ 20,97
две кофточки: £ 90
«Ивнинг стандарт»: £ 0,35
крем для шеи «Кларинс»: £ 4,50
увлажняющая маска от «Кларинс»: £ 32,50
косметичка: БЕСПЛАТНО!
банановый десерт: £ 2,00
пирог с морковкой: £ 1,20

Итого: £ 173,96

Я смотрю на эту сумму в шоке.

Простите, тут что-то не так. Это ошибка! Я не могла потратить больше 170 фунтов за один день.

Это ведь был даже не выходной – простой будний день, и я почти с утра до вечера была на работе. У меня и времени-то не было столько денег потратить. Нет, где-то я... ошиблась. Наверное, неправильно прибавила. Или что-то записала два раза.

Внимательно проглядываю список, и вот, конечно! «Две кофточки». Так и знала! Я купила только...

Ах да. Я ведь две купила. Черт! Боже мой, это ужасно. Пойду посмотреть «Жителей».

**Банк Эндвич
Филиал Фулхэм
Фулхэм-роуд, 3
Лондон**

Миз Ребекке Блумвуд
Берни-роуд, д. 4, кв. 2
Лондон

6 марта 2000 года.

Уважаемая миз Блумвуд.

Благодарю за Ваше сообщение на автоответчике от 5 марта.

Выражаю Вам сочувствие по поводу смерти Вашей собаки.

Тем не менее я настаиваю на своей просьбе – прошу Вас позвонить мне или моей помощнице Эрике Парнел в ближайшие дни, дабы обсудить сложившуюся ситуацию.

С уважением,

Дерек Смит,

менеджер.

ЭНДВИЧ – ПОТОМУ ЧТО МЫ ЗАБОТИМСЯ О ВАС

6

На следующее утро я настроена решительно. Главное сейчас – не кидаться в истерику оттого, что вчера я потратила столько денег. Что было, то прошло. Сегодня первый день моей новой жизни в режиме экономии. И начиная с этой минуты я ничего не буду покупать. Дэвид Бартон рекомендует поставить себе цель – сократить расходы вдвое к концу первой недели. Думаю, я смогу сократить их даже больше. Нет, я, конечно, никого не хочу обидеть, но все эти книжки из разряда «помоги себе сам» рассчитаны на людей, у которых совершенно нет силы воли. По-моему, так. Мне, например, легко удалось бросить курить (правда, иногда я курю за компанию, но это не считается).

Я почти с восторгом готовлю себе бутерброд, заворачиваю его в фольгу – пожалуйста, я уже сэкономила пару фунтов! Термоса у меня нет (надо будет купить в выходные), так что кофе нести на работу мне не в чем, но в холодильнике стоит бутылка минералки. Возьму ее – это даже полезнее.

Нет, в самом деле, непонятно, зачем люди вообще покупают в магазинах сэндвичи? Ведь проще простого соорудить сэндвич своими руками. То же самое с карри¹⁰. Дэвид Бартон пишет, что нужно перестать покупать дорогие полуфабрикаты или готовые блюда и научиться самому готовить карри, жарить овощи и прочее – поскольку это обойдется в несколько раз дешевле. Этим я и займусь в выходные. Сначала схожу в музей или прогуляюсь по набережной, любуясь красотами природы, а потом сама приготовлю ужин.

Шагаю к метро и чувствую себя чистой и обновленной. Сурово посматриваю на снующих прохожих – они же ни о чем, кроме денег, не думают. У них на уме только деньги. Они одержимы ими. Но как только человек отрекается от денег, эти бумажки перестают играть для него роль. Уже сейчас ход моих мыслей изменился от материалистического к философскому. Даже *духовному*. Дэвид Бартон учит, что все мы забываем осознавать, сколько всего нам дается в жизни каждый день. Свет, воздух, свобода, дружба... Разве не это главное? Разве шмотки и безделушки имеют значение?

Во мне происходят такие перемены, что я сама себя боюсь. Например, прохожу мимо газетного киоска и просто кидаю на него взгляд. Но при этом не чувствую ни малейшего желания купить один из журналов. В моей новой жизни на смену журналам пришли духовные ценности (кроме того, я все уже прочла).

В метро я сажусь в состоянии гранитного спокойствия и отрешенности, как буддийский монах. Выйдя из метро, прохожу мимо магазина обуви со скидками, не удостоив его даже взглядом, и мимо кофейни «Лючио» прохожу. Сегодня я не пью капучино. Не ем кексы. И вообще ничего не покупаю – иду прямо на службу.

Сейчас в «Удачных сбережениях» не слишком много работы. Мы только что отдали в печать последний номер и теперь несколько дней можем с чистой совестью плевать в потолок, до начала подготовки следующего номера. Понятное дело, очередной номер не за горами, так что мне полагается весь день не слезать с телефона – звонить на фондовую биржу и спрашивать советов по инвестициям на следующие полгода.

Но как-то получилось, что утро прошло, а я так ничего и не сделала. Правда, поменяла заставку на компьютере – теперь у меня плавают три желтые рыбки и осьминог – и заполнила заявление на возмещение расходов. Честно говоря, трудно сосредоточиться на работе – я слишком занята своим духовным ростом. Пытаюсь подсчитать, сколько удастся сэкономить к концу месяца и что на эти деньги смогу себе купить в «Джигсо».

¹⁰ Карри – блюдо из риса, курицы и овощей, приправленных индийской специей карри.

В обеденный перерыв достаю свой сэндвич с сыром в фольге, и впервые за день мой положительный настрой исчезает. Хлеб стал какой-то влажный, сок из соленых огурцов вылился на фольгу, и вид у бутерброда не слишком аппетитный. И больше всего в эту минуту мне хочется орехового печенья и шоколадного бисквита из французской кондитерской.

Перестань думать об этом! – строго приказываю я себе. Лучше подумай, сколько ты сэкономишь. С невероятным усилием запикиваю в себя свое «сочное» кулинарное произведение и запиваю его водой. Закончив обед, выкидываю фольгу и ставлю бутылку с остатками минералки в офисный холодильник. Вот и прошло... пять минут моего обеденного перерыва. И что мне теперь делать? Куда идти?

В отчаянии я роняю голову на стол. Как тяжело дается аскетичная жизнь. Перебираю несколько папок... потом поднимаю голову и смотрю за окно – на Оксфорд-стрит, на вереницу покупателей, сжимающих в руках сумки с покупками. Ох, как мне хочется присоединиться к ним, я даже клонюсь к окну, как растение к солнцу. Мне необходим яркий свет, теплый воздух, полки с товарами, стрекот кассового аппарата. Но все это для меня заказано. Утром я пообещала себе, что и близко к магазинам не подойду, и данное слово нарушить не могу. По крайней мере, не так скоро.

И тут мне в голову приходит гениальная мысль. Мне ведь просто необходим рецепт карри домашнего приготовления! Дэвид Бартон учит, что кулинарные книги – это напрасно потраченные деньги. Он говорит, что рецепты можно вырезать из упаковок продуктов или брать поваренные книги в библиотеке. Но у меня идея получше. Я пойду в книжный магазин и *перепишу* себе рецепт карри из какой-нибудь книжки. Так я и в магазин схожу, и деньги сэкономлю. И вот я уже вскакиваю со стула и надеваю пальто. Магазины, я иду к вам!

Вхожу в книжный, и все мое тело расслабляется. В тот момент, когда переступаешь порог магазина, любого магазина, испытываешь ни с чем не сравнимое волнение. И от ожидания, и от приветливой суеты, и от *новизны* всего вокруг. Новенькие глянцево-журналы, новые гладкие карандаши, новые блестящие транспортиры. Конечно, с тех пор, как мне исполнилось одиннадцать, мне ни разу не понадобился транспортир, но вы только посмотрите на них – такие яркие, гладкие, без единой царапинки, в аккуратных пакетиках. Замечаю на полке целую серию канцтоваров с леопардовым рисунком – новинка, я таких еще не видела. И почти поддаюсь желанию подойти и рассмотреть их внимательнее, но заставляю себя отвернуться и направляюсь в отдел книг.

Вот, целая секция книг с рецептами индийской кухни. Беру одну, перелистываю, раздумываю, на каком же рецепте остановиться. Я и не подозревала, что индийская кухня такая сложная. Надо будет списать не один, а парочку рецептов, чтобы было потом из чего выбирать.

Осторожно оглядываюсь и вытаскиваю блокнот с ручкой. Я, конечно, настороже, ибо мне известно, что в этом магазине не любят, когда выписывают информацию из книг. Сьюзи однажды попросили покинуть такой магазин. Она выписывала номера из телефонного справочника, и ей сказали, что она или должна покинуть магазин, или купить этот справочник. Странно, потому что читать журналы они разрешают совершенно бесплатно.

Ну так вот, когда я убедилась, что меня никто не видит, я принялась записывать рецепт бириани¹¹ с тигровыми креветками. Переписав половину списка специй, я вынуждена была сунуть книгу под мышку и притвориться, будто просто прогуливаюсь по ряду, – появилась девушка в униформе. Убедившись, что поблизости никого нет, я снова открыла книгу, но не успела найти нужную страницу, как какая-то старушка в голубом пальто громко спрашивает:

– Есть что-нибудь хорошее, милочка?

¹¹ Индийское блюдо из риса с мясом, рыбой или овощами, приправленное специями.

– Где?

– В книге! – И указывает зонтиком на книгу. – Мне нужен подарок для невестки, а она родом из Индии. Так что я решила подыскать ей хороший сборник рецептов индийской кухни. Это хорошая книжка?

– Не знаю, я еще не читала, – говорю я.

– А. – Старушка кивает и поворачивается ко мне спиной.

Мне бы заткнуться и заниматься своим делом, но ведь нет же. Я прочищаю горло и зачем-то говорю:

– А разве у нее нет рецептов индийской кухни?

– У кого, милочка? – Старушка бодро семенит ко мне.

– У вашей невестки! – И кто меня за язык дергал! – Если она сама родом из Индии, разве она не умеет готовить индийские блюда?

– Ах, – старушка в полном замешательстве, – а что же мне тогда ей купить?

Бог ты мой.

– Не знаю, – отвечаю я. – Может быть, книжку про... что-нибудь другое?

– Прекрасная идея! – радостно восклицает старушка и просит: – Подскажи-ка мне, милочка, какую.

Ну почему я?

– Простите, но я спешу. – И я быстренько смываюсь.

Мне немного неловко. Иду к отделу аудио-видео, в котором никогда не бываетлюдно, и прячусь за стеллажом с видеокассетами про телепузиков. Украдкой оглядываюсь и снова открываю книгу. Так, страница 214, бириани с тигровыми креветками... И только я дошла до конца списка специй, как рядом строгий голос произносит:

– Простите?

Я так пугаюсь, что ручка соскальзывает с блокнота и, к моему ужасу, черкает толстую линию прямо на фотографии тарелки рассыпчатого риса. Я быстренько прикрываю страницу рукой и оборачиваюсь с невинным выражением лица. Мужчина в белой рубашке и со значком с именем глядит на меня крайне недоброжелательно.

– По-вашему, это общественная библиотека? – говорит он. – Или вы думаете, что у нас тут бесплатная справочная?

– Да я так, просто смотрю, – спешно оправдываюсь я и пытаюсь закрыть книгу.

Но палец мужчины в белой рубашке приземляется прямо на эту страницу, прежде чем я успеваю ее закрыть. Он медленно открывает книгу, и мы упираемся взглядами в жирную синюю линию от шариковой ручки.

– Смотреть – это одно, – сурово говорит он. – А портить товар – совсем другое.

– Я нечаянно! – извиняюсь я. – Это вы меня так напугали!

– Хм, – мычит он и пристально разглядывает меня. – Вы вообще собирались покупать эту книгу? Или какую-нибудь другую?

Пауза, потом я стыдливо признаюсь:

– Нет.

– Понятно, – поджимает он губы. – Тогда придется нам с вами пойти поговорить с управляющей. О том, чтобы выставить эту книгу обратно в продажу, не может быть и речи, так что это наш убыток. И если вы готовы пойти со мной к управляющей и объяснить, чем конкретно занимались, когда произошла порча товара...

Он что, серьезно? Он разве не должен сказать: «Ничего страшного, не хотите ли получить карточку постоянного клиента?» Мое сердце учащенно бьется от страха. Что делать? Понятно, что, следуя своим новым заповедям, я не могу купить эту книгу. Но идти с ним на ковер к управляющей мне тоже не хочется.

– Линн? – зовет мужчина продавщицу из секции авторучек. – Ты не могла бы вызвать Гленн?

Он и правда серьезно настроен. И явно дико доволен собой, как будто поймал воришку. А они могут завести уголовное дело за то, что человек черкнул ручкой в книге? Может быть, это считается актом вандализма? Боже мой. На меня заведут дело в полиции и никогда не пустят в Америку!

– Знаете, я ее куплю, ладно? – говорю я, едва дыша. – Куплю эту чертову книгу.

Я выхватываю книгу из его лап и, прежде чем он успевает что-то сказать, спешу к кассе. Сердце в пятки ушло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.